

За небесными вратами

Ребекка Ратер Спринджер

ПРЕДИСЛОВИЕ

На страницах этой небольшой книги – не фантастический рассказ, написанный во время праздного времяпровождения, но истина, хотя и очень сжато выраженная, запись пережитого в течение дней, когда жизнь находилась между Временем и Вечностью, и весы перевешивали в сторону Вечности.

Я мучительно осознаю тот факт, что я никогда не смогу обрисовать для других сцены так, как они появлялись передо мной в течение тех чудесных дней. Если я смогу хотя бы туманно показать, приблизительно сравнивая две жизни – земную и духовную, – как они тогда были показаны мне, я смогу частично снять покрывало со смерти, которую мы так боимся, и показать, что это только открытая дверь в новый и прекрасный период жизни, по сравнению с тем, в котором мы сейчас живем.

Если какая-нибудь из представленных сцен покажется не соответствующей вашей религиозной точке зрения, я могу только сказать: «Я даю это так, как это пришло ко мне». Время тех необыкновенных, счастливых часов после перехода из одной жизни в другую до такой степени было наполнено Отцовской бдительной заботой, нежной любовью, встречей с друзьями, с любимыми, освобожденными от земной привязанности, утолением жажды, приятными сюрпризами, духовной радостью, всё было заряжено силой и озарено, благодаря почтению, любви и поклонению, которые все сердца воздавали Троице, – что это явило мне более совершенное откровение об этой «благословенной жизни», о которой мы так нежно мечтаем. С надеждой, что это может утешить и дать духовный подъем некоторым из тех, кто читает, как это уже было раньше и будет, я представляю это несовершенное повествование совершенного видения.

ГЛАВА 1

Когда святые ангелы встретят нас,
И мы пойдем с ними, взявшись за руки,
Узнаем ли мы друзей, что будут приветствовать нас,
В славной духовной земле?
Увидим ли мы те же сияющие глаза,
Как в былые дни?
Почувствуем мы их дорогие руки, обвитые
Нежно вокруг нас, как прежде?
Будем ли мы там знать друг друга?

Я находилась за много сотен километров от дома и друзей, и болела в течение многих недель. Меня окружали одни незнакомцы и слуга, который хотя был и с добрым характером, но не знал ничего, кроме обязанности дежурного по комнате; следовательно, за мной не было чуткого ухода, и я по-прежнему чувствовала упадок сил. Мне не хватало пищи и воды в течение около трех недель. Я очень похудела и ослабла, и сознание, казалось, временами полностью покидало меня. У меня было невыразимое желание, чтобы рядом присутствовали дорогие мне люди, находящиеся сейчас вдали от меня, чтобы нежно коснуться любимых рук, услышать слова любви и ободрения, но они не могли прийти ко мне. Ответственное служение, которое, как я чувствовала, не должно быть пренебрегаемо, удерживало этих дорогих мне людей довольно долгое время вдали от меня, и я не звала их. Я лежала в большой, уютной комнате, на втором этаже дома в Кентвилле. Кровать была расположена в нише в конце комнаты, и от этой ниши большое окно с цветным витражем открывалось на веранду, выходящую на улицу. В течение многих дней моей болезни я лежала лицом к окну и спиной к комнате и вспоминала, размышляя, как легко было бы проникнуть сквозь окно на веранду, если бы кто-то сильно захотел. Когда страстное желание увидеть любимые лица и услышать их голоса становилось больше, чем я могла перенести, я молилась, чтобы дорогой Христос помог мне ощутить Его благословенное присутствие; и с тех пор, как мои возлюбленные на этой земле не могут послужить мне, я могла ощутить влияние других дорогих существ, которые суть «служебные духи».

Особенно я просила быть поддержкой, когда я буду призвана пройти сквозь черные полосы одна. Это не было праздной молитвой, и ответ пришел быстро. Все тревоги и волнения слетели с меня, как изношенная одежда, и мир, мир Христов, окутал меня. Я была готова ждать Божье время для того, чтобы пришли те, кто так дорог мне, и сказала сама себе ещё раз: «Если не здесь, то увидимся там. Нет страха потери». В те замечательные дни страдания и великого мира я чувствовала, что поистине нашла, как никогда раньше, прибежище в руках Божьих. Они подняли меня; они поддержали меня; они обняли меня, И я успокоилась в них, как усталый

ребенок на груди матери. Однажды, темным, холодным и ветреным утром, после дня и ночи сильных страданий, я оказалась на полу рядом с кроватью, перед цветным витражом Некто стоял рядом со мной.

Когда я подняла глаза, я увидела, что это был любимый брат моего мужа, погибший во время наводнения много лет назад.

- Мой дорогой брат Фрэнк! – воскликнула я радостно, - Как хорошо, что ты пришел ко мне!
- Я очень рад, что смог сделать это, сестричка, - нежно сказал он, - Пойдем? – и он потянул меня к окну.

Я повернула голову и оглядела комнату, которую почему-то собралась покинуть навсегда. В ней был, как обычно, порядок; светлая, приятная комната. Слуга сидел у печи в дальнем конце комнаты, спокойно читая газету. А на кровати, повернувшись к окну, лежала бледная неподвижная фигура с тенью улыбки на бедном измученном лице. Мой брат мягко потянул меня, и я уступила, последовав за ним через окно, на веранду и дальше оттуда, немного странным путем, вниз к улице. Там я остановилась и решительно сказала:

- Я не могу покинуть Уилла и нашего дорогого мальчика.
- Они не здесь, милая, но в сотнях милях отсюда, - ответил он.
- Да, я знаю, но они будут здесь. О, Фрэнк! Они нуждаются во мне, позволь мне остаться! – просила я.
- Не будет ли лучше, если я приведу тебя обратно несколько позже – после их прибытия? – сказал он с доброй улыбкой.
- Ты обещаешь сделать это? – спросила я.
- Конечно, если ты пожелаешь. Ты измучена долгими страданиями, и небольшой отдых даст тебе новые силы.

Я чувствовала, что он был прав, и мы начали медленно двигаться по улице. Он взял меня за руку, и попытался заинтересовать меня, в то время как мы шли. Но мое сердце было прилеплено к родным, которых, как я думала, я больше не увижу на земле, и некоторое время я стояла и тоскливо смотрела на дорогу, по которой мы пришли. Он был очень терпелив и мягок со мной, всегда ожидая до тех пор, пока я снова не была готова отправиться в путь. Но, наконец, мои колебания стали так велики, что он вежливо сказал:

- Ты так слаба. Я думаю, что лучше будет, если я тебя понесу, - и, не дожидаясь ответа, он взял меня на руки, так, как будто я была маленьким ребенком, и, подобно ребенку, я положила голову на его плечо, обхватив руками его шею.

Я чувствовала такую безопасность, такой покой. Это казалось таким сладким - после долгой, одинокой борьбы - принимать нежную заботу обо мне.

Он пошел твердыми, быстрыми шагами, и думаю, я, должно быть, спала. Следующее, что я помню: я сидела в тихом уголке, сделанном из цветущих кустарников, на самой мягкой и прекрасной траве, обильно усеянной ароматными цветами; многие из этих цветов я знала и любила на земле. Я заметила гелиотроп, фиалки, лилии долин и резеду и многие другие, совершенно не знакомые мне. В первый же момент я обратила внимание на то, как совершенны каждое растение и цветок. Для примера: гелиотроп, по которому мы долго бегали и рвали с него ветки, вырастал с гладкими ровными ветками, и каждый лист был совершенный, ровный и блестящий, вместо того, чтобы быть неровным, с шершавыми лохмотьями. И цветы, выглядывавшие из глубокой травы, похожей на бархат, выглядели счастливыми, вызывая восхищение и безудержный восторг.

Некоторые из сцен я наблюдала, отдыхая на мягкой ароматной подушке, уединившись и, в то же время, ни от кого не прячась! Далеко-далеко за пределами моего зрения, я хорошо знала, простирался этот удивительный газон этой совершенной травы и цветов; а в отдалении росли в равной степени удивительные деревья, ветки которых сгибались под тяжестью изысканных цветов и фруктов многих видов. Я подумала о видении апостола Иоанна на острове Патмос и «дереве жизни», растущем в центре сада, «двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева - для исцеления народов».

Под деревьями было много счастливых групп: маленькие дети смеялись и играли, бегали туда-сюда в веселье и ловили своими крошечными ручками ярких летающих птиц, которые порхали среди них. Это выглядело, как соревнование, и, вероятно, так оно и было.

Взрослые люди прогуливались, иногда группами, иногда по двое, иногда одни. Воздух был наполнен миром, покоем и счастьем, так что то же самое стала чувствовать даже я, чужестранка.

Все были в безупречно белом, хотя многие носили на одежде или в лентах пучки прекрасных цветов. Когда я взглянула на их счастливые лица и мантии без единого пятнышка, я вспомнила: «они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца».

Осмотревшись, я увидела наполовину укрытые деревьями элегантные и прекрасные дома незнакомой привлекательной архитектуры. Я подумала: должно быть, это дома счастливых обитателей этого приводящего в восторг места. Я мельком увидела искрящиеся фонтаны во многих областях, и близко к тому тихому уголку, где я находилась, спокойно текущую реку с водой, чистой как хрусталь.

Прогулки проходили во многих областях тех земель, которые были мне показаны. Позже я сравнила ту землю с жемчужиной, без пятна и порока. Области отделялись одна от другой узкими ручьями с прозрачной водой, протекающей над камнями из золота. Одна мысль, которая захватила меня, когда я взглянула на эту сцену, от которой у меня перехватило дыхание и пропал дар речи, была: «Чистота, чистота!». Ни тени пыли, ни пятнышка гниения на фруктах и цветах, все совершенно, безупречно. Трава и цветы выглядели, как только что вымытые летним дождем. Ни одна былинка не была бесцветной, каждая окрашена в ярчайший зеленый цвет. Воздух был нежный и ароматный, но действовал бодряще. Вместо солнечного света была золотистая и возрастающая слава повсюду, это несколько напоминало вечернюю зарю во время заката на юге в середине лета.

Как только у меня перехватило дыхание от восторга, я услышала голос моего брата, который стоял рядом со мной.

- Нравится? - спросил он нежно.

Увидев его, я поняла, что он наблюдал за мной. Он был доволен. К моему величайшему удивлению, я напрочь забыла об его присутствии. Выведенная из задумчивости его вопросом, я нерешительно ответила:

- О, Фрэнк, что я, - сильнейшее ощущение Божьей доброты и моей недостойности затронули меня так, что я закрыла лицо руками и разрыдалась.

- Ах, - сказал мой брат, в его интонации послышался самоупрек, - Я поступил необдуманно.

Мягко поставив меня на ноги, он сказал:

- Пойдем, я хочу показать тебе реку.

Когда мы добрались до берега реки, я обратила внимание, что красивый газон доходил до самой кромки воды, и в некоторых местах цветы безмятежно росли в глубине, среди крупной гальки, которой было усыпано дно реки.

- Я хочу показать тебе эти прекрасные камни, - сказал мой брат, ступая в воду и ободряя меня сделать то же самое.

Я робко отпрянула назад, проговорив:

- Я боюсь, что она холодная.

- Нисколечко, - заверил он, улыбаясь, - пойдем.

- Прямо в таком виде? - спросила я, кинув быстрый взгляд на свою красивую мантию, которая, к моей великой радости, была похожа на те, которые носили жители этого счастливого места.

- Прямо в таком, - ещё раз улыбнулся он.

Ободренная, я тоже вступила в спокойно текущую реку и, к моему великому удивлению, обнаружила, что ее температура и плотность почти одинаковы с воздухом. Течение увеличивалось по мере того, как мы продвигались на глубину, до тех пор, пока я не ощутила вокруг шеи нежную, мягкую рябь. Так как я остановилась, мой брат сказал:

- Остановимся чуть подальше.

- Тогда я уйду под воду с головой, - запротестовала я.

- Хорошо, и что потом?

- Я не смогу дышать под водой - я задохнусь.

С веселым огоньком в глазах и в тоже время серьезно брат сказал:

- Здесь по-другому.

Я поняла нелепость моих представлений и со счастливым смехом сказала:

- Хорошо, пойдем, - и быстро нырнула в сверкающую воду, которая вскоре сомкнулась и покрылась рябью над моей головой. К своему удивлению и восторгу, я могла не только дышать, но смеяться и говорить, видеть и слышать - так же, как и над водой. Я присела на разноцветную гальку, и стала перебирать камушки, как ребенок. Мой брат лег на них, как будто он был на зеленом газоне, и смеялся и разговаривал со мной, полный радости.

- Делай так, как я, - сказал он, потирая руками свое лицо и перебирая пальцами свои темные волосы.

Я сделала так, как он показал мне, и ощущение было восхитительным. Я закатала рукава и потерла руки, потом шею, запустила пальцы в свои длинные распущенные волосы, думая, они все спутаются, как только мы выйдем из воды. Потом пришла мысль, в каком же виде мы будем после воды. «Что мы будем делать без полотенца?» - земные мысли все еще цеплялись ко мне, и я бы удивилась, если бы моя красивая мантия оказалась несовершенной. Но, как только мы приблизились к берегу, и моя голова всплыла над водой, воздух коснулся моего лица и волос, я ясно осознала, что мы не будем нуждаться ни в полотенце, ни в расческе. Мое тело, волосы и

даже прекрасная одежда были такими же сухими, как до того, как их коснулась вода. Материал, из которого была сделана моя мантия, был модный и не похож ни на что из тех, что я видела прежде. Он был нежный, светился и сиял нежным блеском, больше напоминая шелк, чем что-либо другое из того, что я могла вспомнить; только, конечно, намного более прекрасный. Я чувствовала вокруг себя мягкие, элегантные складки, которые вода, казалось, привела даже в более блестящее состояние, чем до этого.

- Какая изумительная вода! Какой удивительный воздух! - сказала я моему брату, как только мы ступили на цветущий газон, - Все реки здесь такие же, как эта?
- Не точно такие же, но похожи, - ответил он.

Мы прошли несколько шагов, и потом я обернулась и еще раз посмотрела на сверкающую, спокойно текущую реку.

- Фрэнк, что эта вода сделала со мной? Я чувствую себя так, как будто у меня выросли крылья за спиной.

Он посмотрел на меня серьезными, нежными глазами и мягко ответил:

- Она вымыла из тебя остатки земной жизни и сделала тебя соответствующей новой жизни, в которую ты вступила.

- Это божественно! - шепнула я.

- Да, это божественно! - сказал он.

ГЛАВА 2

Город мира! Великолепные дворцы,
Любимые лица и прекрасный вид,
И сладкий голос, доносящийся до нас сквозь тихий воздух,
Который шепчет: «Все, что ты видишь здесь - для тебя».

Мы прошли некоторое расстояние в молчании, мое сердце было охвачено мыслями о новой, незнакомой жизни, мои глаза наслаждались свежей красотой на каждом шагу. Дома, мимо которых мы проходили, казались мне удивительно прекрасными. Они были построены из мрамора высшего качества, окружены широкими верандами, крыши и купола поддерживались массивными, либо изящными колоннами, извилистые ступени вели вниз к жемчужным и золотым аллеям. Архитектурные стили были непохожи ни на что из того, что я видела раньше. Цветы и виноградные лозы, которые пышно росли везде, превосходили по красоте даже то, что я могла вообразить. Счастливые лица выглядывали из великолепных домов с колоннами, и счастливые голоса разносились по воздуху.

- Фрэнк, куда мы идем? - расспрашивала я.

- Домой, сестричка, - нежно ответил он.

- Домой? У нас есть дом? И как он выглядит? - воскликнула я.

- Пойдем - и увидишь, - сказав это, он повернулся в сторону дорожки, ведущей к красивому изысканному дому, колонны которого, из светло-серого мрамора, светились сквозь зелень свешивающихся деревьев манящей красоты.

Перед тем, как я вступила на порог дома, я услышала хорошо знакомый голос, прозвучавший рядом со мной:

- Я имею честь быть первой приглашенной к тебе!

Оглянувшись, я увидела дорогое мне лицо старой подруги, миссис Уикхэм.

- О! О! - только и успела воскликнуть я, сразу же оказавшись в ее теплых объятиях.

- Прости меня, мистер Спринджер, - сказала она минутой позже, сердечно пожимая руку брата,

- это кажется неизвинительным задержать вас таким образом, едва ли не в первый час, но я услышала, что она пришла сюда, и не могла ждать. Но сейчас, когда я увидела ее лицо и услышала ее дорогой голос, я буду терпелива до тех пор, пока не смогу побеседовать с ней долго-долго.

- Войди и пообщайся с ней сейчас, - сердечно сказал брат.

- Входи! - настаивала я.

- Нет, дорогие друзья, не сейчас. Знаешь, дорогой маленький Цветочек, - (мое старое прозвище много лет назад), - у нас впереди вся вечность! Но ты приведи мне ее скорее, мистер Спринджер, хорошо?

- Так скоро, как только смогу, мадам, - ответил он, выразительно глядя ей в глаза.

- Да, я понимаю, - сказала она нежно, бросив на меня взгляд, полный симпатии. Затем, с теплым рукопожатием, сделав прощальный наказ: «Приходите как можно скорее», она быстро ушла.

- Благословенная женщина! - сказала я, - как я рада встретить ее снова!

- Ее дом неподалеку отсюда; ты сможешь часто видеть ее. Она действительно восхитительная женщина. Сейчас пойдем, сестричка, я давно хочу показать тебе наш дом, - говоря это, он взял мою руку и повел меня вверх по небольшим ступенькам на просторную веранду с прекрасным мозаичным полом из редкого и дорогого мрамора, с массивными колоннами серого цвета,

обвитыми виноградными гроздьями с роскошными глянцевыми листьями, перемешанные с цветами изысканных расцветок с утонченным ароматом, свисающие тяжелыми гирляндами. Мы ненадолго остановились здесь, чтобы я смогла полюбоваться очаровательным видом со всех сторон.

- Это изумительно! – сказала я.

- Это изумительно, - ответил он, - и это не могло быть иначе.

Я улыбнулась; мое сердце было слишком переполнено, чтобы говорить.

- Весь дом, вверху и внизу, окружен широкими верандами. Давай войдем внутрь.

Он повел меня к дверному проему, между мраморными колоннами, в большую гостиную с мозаичным полом, резными окнами и широкой винтовой лестницей в дальнем конце, как раз в моем вкусе. Перед тем, как я что-либо смогла произнести, мой брат повернулся ко мне и, взяв обе мои руки, сказал:

- Добро пожаловать, дорогая сестра, в твой небесный дом!

- Это прекрасное место - в самом деле, мой дом? – спросила я, еле сдерживая эмоции.

- Да, дорогая, - ответил он, - Я построил его для тебя и моего брата, и я уверяю тебя, что это труд любви.

- Это твой дом, и я сейчас стою рядом с тобой? – слегка смущенно спросила я.

- Нет, это твой дом, и я буду с тобой, до тех пор, пока не придет мой брат.

- Всегда, дорогой брат, всегда! – воскликнула я, вцепившись в его руку.

Он улыбнулся и сказал:

- Мы весело проведем время; мы больше никогда не будем далеко друг от друга. Заходи, я хочу показать тебе все.

Повернувшись налево, он повел меня между прекрасными мраморными колоннами, которые, казалось, заменяли дверные проемы, в большую продолговатую комнату, на пороге которой я остановилась в удивленном восхищении. Стены и пол комнаты целиком были из того же изысканного светло-серого мрамора и отполированы до величайшего блеска. Поверхность стен и пола была усыпана утонченными розами с длинными стеблями, всех сортов и расцветок, от темно-малинового до нежнейших оттенков розового и желтого.

- Входи, - сказал брат.

- Я не хочу раздавить эти совершенные цветы.

- Хорошо, попробуем убрать некоторые из них.

Я остановилась, чтобы взять с пола один цветок, лежащий близко от моей ноги, и вдруг, о чудо! Я обнаружила, что он находится внутри мрамора. Я постаралась взять другой – и снова тот же удивительный результат. Тогда, повернувшись к брату, я сказала:

- Что это значит? Почему ты не сказал мне, что эти цветы искусственные?»

Он покачал головой и сказал с приятной улыбкой:

- У этой комнаты своя история. Войди и сядь со мной здесь у окна, отсюда ты сможешь увидеть всю комнату, и позволь мне рассказать тебе о ней.

Я сделала, как он попросил, и он продолжил:

- В один из дней, когда я был занят работой по дому, компания молодежи, мальчиков и девочек, подошла к двери и спросила, могут ли они войти. Я охотно согласился, и тогда один из них спросил:

- Это дом мистера и миссис Спринджер?

- Да, - ответил я.

- Мы знали их и любили. Они наши друзья, а также наших родителей; и мы хотим узнать, можно нам помочь тебе его украсить?

- Конечно, можно, - сказал я, тронутый их просьбой, - Что вы можете сделать?

- Мы здесь как-то были и все осмотрели, - сказал один из них, - можно мы украсим комнату?

- Несомненно, - сказал я, удивляясь, что же они могут сделать.

- Тот час же девочки, в руках которых были огромные букеты роз, начали разбрасывать цветы по полу и стенам. Везде, где цветы соприкасались со стенами, они, к моему удивлению, прикреплялись к ней, оставаясь навсегда в том же виде. Когда все розы были разбросаны, комната стала выглядеть точно так, как сейчас, как будто цветы только что сорвали. Потом каждый мальчик достал маленький чемоданчик с тонкими инструментами, и в один момент все, мальчики и девочки, занялись работой на мраморном полу. Как они это делали, я не знаю – это один из небесных видов искусства, для этого надо иметь высокое чутье художника – но они врезали каждый живой цветок точно в таком же виде, каким он был, когда упал, в мрамор, и сохранили это в таком виде, как ты сейчас это видишь. Они приходили несколько раз, пока не закончили работу, и цветы не вяли и не блекли, но были всегда свежие и яркие. И это была такая веселая и счастливая компания этих молодых людей, каких я еще прежде и не видел.

Они смеялись, общались и пели, пока работали; и я неоднократно желал, чтобы друзья, которых они покинули, носящие траур по ним, могли взглянуть на эту счастливую группу и увидеть, как мало причин для горя.

Наконец, когда они все завершили, они позвали меня посмотреть на их работу, и я не пожалел хвалы за эту красоту сделанной работы и за искусство её исполнения. Затем, говоря, что они вернутся, когда кто-нибудь из вас придёт, они все вместе ушли, несомненно, чтобы делать что-то подобное этому где-нибудь в другом месте.

Слезы счастья капали на мои руки и скатывались по моему подолу, на протяжении большей части его рассказа, и я спросила, наполовину задыхаясь, потому что я была очень тронута:

- Кто эти прекрасные люди, Фрэнк? Ты их знаешь?

- Конечно, сейчас я их знаю; но они все были незнакомы мне до тех пор, пока не пришли сюда, в то первое утро, за исключением Лулу Спринджер. Было три Мари: Мария Грин, Мария Бэйтс, Мария Чалмерс; Лулу Спринджер и Майя Камден. Это девочки, каждая из которых замечательна и прекрасна. Мальчики, все отважные, прекрасные парни, были: Карролл Ашланд, Стэнли и Давид Чалмерс.

- Драгоценные дети, - сказала я, - Как мало любви я дала им в те давние времена и как хорошо, что я могу сделать это здесь! Как мало мы знаем о связях между этими двумя мирами!

- Ах, да, - сказал брат, - Это точно. Как мало мы знаем! Если бы мы только могли осознать, пока мы ещё в смертном теле, что день за днем мы строим для вечности, то как отличалась бы наша жизнь во многих путях от того, что сейчас! Каждое доброе слово, каждая благородная мысль, каждый бескорыстный поступок станет колонной вечной красоты в грядущей жизни. Мы не можем быть эгоистичными и не любящими в одной жизни и быть добрыми и любящими в следующей; эти две жизни слишком близко связаны - одна является продолжением другой. Но давай сейчас сходим в библиотеку.

Поднявшись, мы пересекли комнату, о которой с тех пор у меня очень нежные воспоминания, и вошли в библиотеку.

Это была славная комната - стены от потолка до пола были заполнены рядами редких и дорогих книг. Большое витражное окно было открыто на веранду, а два больших дугообразных окна, расположенные недалеко друг от друга, были сзади комнаты. Полукруглые ряды полок, поддерживаемые очень изящными стойками из серого мрамора, около 2 м высотой и 5 м в длину, располагались внутри главной комнаты и делили её на две секции, каждая из которых заканчивалась дугообразным окном сзади, оставляя достаточно много места, где две секции соединялись снова в одну. Вогнутая сторона полукруглых полок была напротив входа в комнату, а не далеко от дугообразного окна стоял красивый письменный стол со всеми принадлежностями. На столе стояла изысканная золотая ваза, наполненная алыми гвоздиками, аромат которых я сразу ощутила.

- Стол моего брата, - сказал Фрэнк.

- И его любимые цветы, - добавила я.

- Да, это говорит о том, что у нас здесь те же вкусы и предпочтения.

Не думайте, что эти детали были отмечены мною сразу же, но они раскрылись передо мной постепенно, по мере нашего нахождения и общения в комнате. Моим первым чувством при входе в комнату было подлинное удивление при виде книг, и мои первые слова были:

- Почему у вас есть книги на небе?

- Почему бы и нет? - спросил брат, - Тебя удивляет, что после смерти у нас те же желания и обязанности в этой благословенной жизни. Нам кажется, что смерть тела означает полное изменение в душе. Но это не так в некоторых случаях. Мы приходим в эту жизнь с теми же вкусами, теми же желаниями, тем же знанием, что мы имели до смерти. Если они не были достаточно чисты и хороши, чтобы сформировать часть этой жизни, тогда мы сами можем не войти. Что за польза была бы в нашем времени жизни, данной для достижения определённых ценностей и знаний, если смерть превратит это в ничто, и мы начнём эту жизнь полностью с другим мышлением и знанием? Нет-нет, пойми, как я говорил до этого, мы строим для вечности в течение нашей земной жизни! Чем чище мысли, чем благороднее цели, чем возвышеннее устремления, тем выше положение, которое мы займём среди небесного сонма; чем более ревностны мы в познании и следованию долгу в нашей жизни испытаний, тем больше мы будем продвинуты здесь, в этой полной и совершенной жизни.

- Но книги, кто написал их? Какие-нибудь из этих книг мы знали и любили там внизу?

- Несомненно, многие из них; все, которые помогли каким-то образом возвысить человеческий разум или бессмертную душу. Потом, многие из редких мыслителей в земной жизни, входя в эту высшую жизнь, приобретают такое возвышенное и обширное видение предметов, которое получили, участь на протяжении всей жизни, что, следуя этому с жаром, они изложили это в книгах для блага менее одаренных; высочайшее, сильнейшее видение они приобрели сами,

оставаясь, таким образом, лидерами и учителями в этой необыкновенной жизни, как и тогда, пока они ещё жили на земле. Должна ли великая душа, которая совсем недавно присоединилась к нам, чьи книги «Измененная Жизнь» и «Мир с вами!» подняли так много жизней на земле, отложить свое перо в сторону, когда его ясный ум и большое сердце узнали тайны высшего знания? Ничуть. Когда он хорошо изучит эти уроки, он изложит их для пользы других, менее одаренных, которые должны последовать им. Всегда должны быть лидеры; в этой небесной жизни, как и в прошлой жизни – лидеры и учителя в различных аспектах мысли. Но всё это знание придёт к тебе просто и естественно, по мере возрастания в новой жизни.

ГЛАВА 3

Когда я встречусь с теми, кого я любил,
Заклячу в объятия тех, кто был так далеко от меня,
Я увижу, как истинны Твои обетования,
И буду преисполнен.

Гораций Бонар

После короткого отдыха в этой прекрасной комнате среди книг, мой брат показал мне все оставшиеся комнаты дома; каждая из них совершенна и красива по-своему, и каждая отчетливо и навечно запечатлелась в моей памяти. Сейчас я хочу рассказать только об одной из них.

Как только брат отвел в сторону тонкие серые портьеры, оттененные очень тонким янтарным цветом, которые висели перед колоннообразным дверным проемом красивой комнаты на втором этаже дома, он сказал:

- Это место приготовлено специально для твоего отдыха и учебы.

Весь второй этаж дома изнутри, вместо того, чтобы быть отделанным серым мрамором, как это было на первом этаже, был отделан прекрасным деревом с мозаикой, шелковистой текстуры и редкой полировки; и комната, в которую мы сейчас вошли, была изысканна и в дизайне, и в отделке. Она была немного продолговата, с большим дугообразным окном в конце подобно тем, которые в библиотеке. Рядом с окном на одной стороне стоял письменный стол из твердой слоновой кости, с серебряными канцелярскими принадлежностями; а напротив был стеллаж с множеством книжных полок из того же материала. Позже я обнаружила, что многие из этих книг были написаны моими любимыми писателями. Шикарные ковры серебристо-зеленого цвета, расстеленные по всему полу, и все портьеры в комнате были тех же тонких оттенков и фактуры, как те, что при входе. Корпус мебели был из слоновой кости; обивка кресел и диванов - из серебристо-серой ткани, отделанной превосходным атласом; и подушки, и покрывала на элегантной кушетке были такие же. Большой кубок, выкованный из серебра, стоял на столе недалеко от окна и был наполнен розовыми и желтыми розами, их аромат распространялся по всей комнате; и несколько редких грациозных ваз также были наполнены розами. Вход в апартамент был неопишимо прекрасным; я увидела это намного раньше, чем была в состоянии полностью понять их совершенство.

Только одна картина висела на стене, и это был небольшой портрет Христа, расположенный точно напротив кушетки. На нем был изображен не смертный Христос, взявший на себя грех мира, также и не пронзенная терновым венцом голова распятого Спасителя человечества, но образ живущего Господа, Христа - Победителя, Христа - Царя. Удивительные очи смотрели прямо и мягко в мои глаза, и губы, казалось, произносили благословение. Невыразимая красота божественного лица, казалось, освещала комнату святым светом, и я упала на колени и прижалась губами к обутым в сандалии ноги, так реалистично изображенными на холсте, в то время как мое сердце кричало: «Господь, возлюбленный Господь и Спаситель!» Это длилось долго, я не скоро смогла сфокусировать внимание на чем-то ещё; все мое существо было наполнено поклонением и благодарностью за великую любовь, что Он привел меня в это место покоя, этот удивительный дом мира и веселья.

Проведя некоторое время в этом восхитительном месте, мы прошли сквозь открытое окно на мраморную террасу. Лестница, живописно отделанная мрамором, спускалась от этой террасы вниз, к деревьям; от ее подножия начиналась тропинка, которая вела к цветущему газону.

Ветви деревьев,гибающиеся под тяжестью фруктов, свободно свисали на территорию террасы; и, остановившись там в то утро, я заметила семь видов плодов. Один был похож на грушу, только намного больше, с несравненно более тонким вкусом. Другой был в виде гроздьев фруктов, тоже грушевидных, но меньших по размеру; их консистенция и вкус были подобны прекраснейшему мороженому. Третий по форме несколько напоминал банан, они назывались хлебными фруктами и не отличались от наших лакомых рулетов из теста. В то время мне показалось, и это действительно подтвердилось позже, что, разнообразная и высокого качества еда для самой изысканной трапезы была здесь добываема без труда и забот. Мой брат собрал несколько фруктов разных видов и предложил мне их попробовать. Я сделала

это с огромнейшим удовольствием, и эта пища дала мне освежение и восстановление сил. Однажды насыщенный сок из фрукта, подобного жемчугу (название которого я забыла, если вообще знала его), обильно пролился на мои руки и подол одежды.

- Ох! – воскликнула я, - боюсь, я испортила мою одежду!

Мой брат добродушно рассмеялся, затем сказал:

- Покажи мне пятна.

К моему изумлению, я не нашла ни одного пятна.

- Взгляни на свои руки, - сказал он.

Я увидела, что они чистые и свежие, как будто только что вымытые.

- Что это значит? Мои руки были испачканы густым фруктовым соком.

- Просто, - ответил он, - грязь не может остаться ни на мгновение в этой атмосфере. Никакое гниение, никакое пятно или хоть что-то обезображивающее или повреждающее совершенную чистоту или красоту этого места. Как только плод отрывается и падает, если его немедленно не подобрали, тот час же исчезает, даже и следа не остается.

Я заметила, что ни одного фрукта не было под деревьями.

- «И не войдет в него ничто нечистое», - процитировала я задумчиво.

- Да, именно так, - ответил он, - именно так.

Мы спустились по ступенькам и снова вошли в комнату с цветами. Как только я остановилась, еще раз залюбовавшись инкрустированными розами, брат спросил:

- Кого из всех друзей, которые сейчас на небесах, ты хочешь увидеть?

- Моих папу и маму, - быстро ответила я.

Он улыбнулся так многозначительно, что я поспешно обернулась, и увидела, что навстречу мне идут мои дорогие папа и мама, и с ними моя младшая сестра. С криком радости я бросилась в папины объятия и услышала с радостным трепетом его милые привычные слова: «Моя драгоценная доченька».

- Наконец! Наконец-то! – восклицала я, прильнув к нему. – Наконец, я снова с тобой!

- Наконец-то! – сказал он восторженно, с глубокой радостью.

Потом он передал меня моей дорогой маме, и вскоре мы уже сжимали друг друга в объятиях.

- Моя драгоценная мама!

- Мое дорогое, милое дитя! – одновременно восклицали мы; и моя сестра обнимала нас обеих, восклицая со счастливым смехом:

- Я не могу ждать! Я не хочу оставаться в стороне!

И, высвободившись из одних объятий, я бросилась к ней – в счастливый круг нашего союза любви.

О! что это был за момент! Я даже не мечтала, что небеса так полны счастья. Спустя некоторое время брат, который разделил нашу радость, сказал:

- Сейчас я должен покинуть вас на несколько часов, так как у меня есть ещё другие обязанности.

- Да, - сказал мой папа, - ты можешь идти. Мы с радостью позаботимся о нашем дорогом ребенке.

- Тогда до скорой встречи! – пламенно сказал брат, - Не забудь, что отдых на небесах – не только удовольствие, но и обязанность.

- Да, мы проследим, чтоб она не забыла этого, - сказал папа с искрящейся улыбкой

ГЛАВА 4

Навсегда ли возвратятся ушедшие радости,

Веселя наши сердца, как и прежде?

Найдем ли мы тебя ожидающим нас, в то счастливое утро,

Когда мы приплывем к вечному берегу?

Увидим ли мы дорогие нам глаза, как в прежние дни?

Почувствуем ли трепетное прикосновение рук?

Найдем ли мы снова прошедшие радости,

На берегах этой удивительной страны?

Вскоре после ухода брата, мама сказала, схватив меня за руку:

- Пойдем, я очень хочу показать тебе наш дом, - и мы вышли через задний вход, пройдя несколько метров через мягкий газон, и вошли в красивый дом, в некоторой степени похожий на наш собственный, неотличимый от него во многих деталях. Он также был выстроен из мрамора, но из более темного, чем дом брата. Каждая часть комнаты была скромной отделки и обставлена со вкусом, и окружающая домашняя атмосфера сразу же восхитительно ощущалась. Папин рабочий кабинет был на втором этаже, и первая вещь, которую я заметила, входя в комнату, были пышные ветки и цветы старинного покрытого листвой розового дерева, которые загораживали окно рядом с его письменным столом.

- Ах, - воскликнула я, - Я сразу же представила себя в твоём старом кабинете дома, как только взглянула на это окно.

- Ты вспомнила его? - сказал он, счастливо смеясь, - Иногда я думаю, что это тот же самый дорогой старый куст, пересаженный сюда.

Он кивнул головой и сказал, улыбаясь:

- Я вижу, ты все еще помнишь дни детства, - и он потрепал мою щеку, когда я собрала розы и прикрепил их к его груди.

- Мне кажется, этот дом должен быть также и твоим домом, дорогая; это дом нашего папы, - сказала моя сестра задумчиво.

- Нет, - быстро сказал папа, - Фрэнк - её законный попечитель и руководитель. Это мудрое и замечательное устройство. Он со всех сторон самый подходящий инструктор, какой только мог бы быть у неё. Наш Отец никогда не ошибается.

- Разве не прекрасен характер моего брата? - спросила я.

- Действительно, прекрасен; и он находится очень близко к Господу. Немногие имеют более чистое знание Божьей Воли, следовательно, немногие лучше подходят для роли инструктора. Но у меня много обязанностей, из-за которых я должен на время уйти. Как блаженно знать, что мы больше никогда не будем надолго разлучены! У тебя будет два дома, дорогое дитя, твой собственный и наш.

- Да-да! - сказала я, - Думаю, что я буду бывать здесь так же часто, как и там.

В этот момент курьер быстро подошел к моему папе и сказал несколько коротких слов.

- Да, я тот час же иду, - ответил он, и, помахав на прощание рукой, ушел с ангелом-проводником.

- Где обычно находится папина служба? - спросила я маму.

- Обычно он вызывается к тем, кто входит в жизнь с небольшой подготовкой - к тем, которые на земле раскаялись при смерти. Ты знаешь, что у него всегда был удивительный успех в привлечении ко Христу душ; и эти души нуждаются в обучении с самого начала. Они входят в духовную жизнь в её самой низшей стадии, и папина приятная обязанность заключается в том, чтобы вести их шаг за шагом. Он предан своей работе и очень любим теми, кому сейчас помогает. Он часто позволяет мне сопровождать его и трудиться с ним, и это доставляет мне такое удовольствие! А ты знаешь, - она взглянула на меня неопишимо счастливо, - Сейчас я ничего не забываю!

Это было для неё тяжелым бременем, в течение нескольких лет перед её смертью, что её память ухудшалась, к её огорчению; и я могла понять и разделить с ней её восторг.

- Дорогая душа! - воскликнула я, нежно обняв её, - это снова похоже на ранние года твоей супружеской жизни?

- Совершенно верно, - радостно ответила она.

Немного позже моя сестра отвела меня в сторону и шепнула:

- Расскажи мне о моем мальчике, о моем драгоценном сыне. Я часто вижу его; но у нас нет возможности всегда так много знать о земной жизни, как это, мы верим, однажды настанет. Мягкая мудрость Отца отмерила нам знание, что он видит лучше, и мы с чувством удовлетворения ждем его на более длительное время. Расскажи все, что можешь, не откажи мне. Он, наверняка, наверняка, вспоминает меня время от времени? Заклучу ли я его снова в объятия, моего дорогого мальчика?

- Я уверена - да, уверена, что так и будет. То, что ты помнишь о нем - очень драгоценно для него.

Потом я рассказала ей все, что могла вспомнить о сыне, с которым она разлучилась, когда он был еще ребенком - сейчас он возмужал, уважаем и любим, у него есть дом, жена и сын, поддерживающие и благословляющие его.

- Теперь я могу ждать, - сказала она, - если он непременно придет ко мне в конце-концов, когда его труд на земле будет окончен, приведя с собой жену и сына. Их я тоже буду любить!

В этот момент я очутилась в объятиях нежных рук, и чья-то ладонь мягко легла на мои глаза.

- Угадай, кто это? - услышала я нежный шепот.

- О, я знаю этот голос, это прикосновение! - драгоценнейший, драгоценнейший Нэл! - воскликнула я, быстро обернувшись, сомкнула свои руки на шее моего единственного брата.

Он сразу же встретил меня теплосердечно, потом, в своей старой привычной манере, поднял меня, поставив на свои сильные плечи, говоря:

- Она не выросла ни на дюйм; и, я верю, не стала старше ни на один день, с тех пор, как мы расстались! Так ведь, Джо? - повернулся он к нашей сестре.

- Так кажется, но на самом деле это не так - сказала сестра, - но я думала, ей никогда не прийти сюда.

- Вера ее сделала это! – сказал он, - Но сейчас пойдем; у них было достаточно времени для первого визита, остальные из нас тоже хотят побыть с тобой некоторое время. Пойдем с нами, Джуди. Мама, можно, я возьму их обеих ненадолго? Или ты тоже хочешь пойти? – повернулся он к нашей маме, ласково прикоснувшись к ней.

- Я не пойду, дорогой мальчик; я должна быть здесь, когда вернется твой отец. Возьми твоих сестер; это такое благословенное зрелище – видеть вас всех снова вместе.

- Тогда пойдем, - сказал он; мы взяли за руки и вышли.

- Стойте! – внезапно выкрикнул он, в своем старом военном стиле, после короткой ходьбы, и мы мгновенно остановились перед изящным домом, выстроенном из прекрасного полированного дерева. Он был прекрасен и в архитектуре, и в отделке.

- Как красиво! – воскликнула я; и с поклоном и очаровательной скромностью он сказал:

- Это дом вашего покорного слуги. Входите.

- Я ненадолго задержалась на широкой веранде рассмотреть виноградные лозы, обвивающиеся вокруг грациозных колонн из дерева высочайшей полировки, и мой брат сказал моей сестре:

- Она все та же самая! Мы ничего не добьемся от нее до тех пор, пока она не изучит каждый цветок, виноградную лозу и растение на небесах.

- Да, - сказала я, встряхнув головой, со счастливым лицом, - но я хочу, чтобы вы мне помогли; мне так многому нужно научиться.

- Так и будет, дорогая, - ответил он мягко, - но давай войдем внутрь.

Ступая внутрь красивого вестибюля, вход в который был открыт с каждой стороны просторных комнат, он нежно позвал:

- Алма!

Тот час же из одной из них вышла красавица и подошла к нам.

- Мой дорогой ребенок! – сказала я, - Это кажется невозможным! Ты была ребенком, когда я в последний раз видела тебя.

- Она все еще папина дочка, - с нежным взглядом сказал мой брат, - она и Керри, которую ты никогда не видела, построили этот благословенный дом для меня. Где твоя сестра, дочь?

- Она в большом музыкальном холле. У нее очень хороший голос, который она развивает, - сказала Алма, повернувшись ко мне, - Мы искали нашу тетю, когда она вернулась, - прибавила она.

- Правда, правда, - сказал мой брат, - но пойдем.

Потом они показали мне красивый дом, идеальный и очаровательный в каждой детали. Когда мы вышли на веранду, я увидела, что мы были так близко от примыкающего дома, что мы могли легко шагнуть от одной веранды к другой.

- Там, - сказал брат, легко поднимая меня на место между ними, - Там есть кое-то из того, кого ты захочешь увидеть, - перед тем, как я смогла задать ему вопрос, он повел меня сквозь колоннообразный дверной проем, говоря, - На небесах никогда не бывает так, что «нет дома» для своих друзей.

Дом, в который мы вошли, был почти идентичен по конструкции и отделке с тем, который у моего брата Нэла, и, как только мы вошли, три человека подошли, полные страстного желания поприветствовать меня.

- Дорогая тетя Грэй! – воскликнула я, - Моя дорогая Мария, мой дорогой Мартин! Какая радость встретить вас снова!

- И здесь, - благоговейно сказала моя тетя.

- Да, здесь, - ответила я в тон ей.

Это была сестра моего папы, всегда любимая тетушка, с ее сыном и невесткой. Как мы беседовали, прильнув друг к другу, и спрашивали, и отвечали на вопросы!

- Паллас тоже здесь и Уилл, но они с Кэрри в музыкальном холле, - сказал Мартин.

- Мартин, ты здесь умеешь петь? – спросила я. Он всегда тренировался петь на земле, но не мог овладеть мелодией.

- Немного, - ответил он, с прежним добродушным смехом и пожатием плечами. Мы здесь можем делать почти все то, что действительно стараемся делать.

- Ты должна услышать его сейчас, когда он пытается петь, - сказала его жена с маленькой ноткой гордости в голосе.

- Ты не узнала бы, что это Мартин. Но разве это не прекрасно, что Нэл так близко от нас? Мы почти один дом, как ты видишь. Все чувствуют, что мы должны быть вместе.

- В самом деле так, - ответила я, - хотя вы больше не нуждаетесь в его профессиональной компетенции.

- Нет, спасибо папе; но мы нуждаемся в его спокойствии, как и во многих других вещах.

- Думаю, что, скорее, я должен быть благодарен, - сказал брат, - Но, сестра, я обещал Фрэнку, что ты ненадолго придешь в свою собственную комнату; он думает, что это мудро, что ты побудешь одна некоторое время. Мы можем сейчас идти?

- Я готова, - ответила я, - хотя это восхитительное общество не хочется оставлять.
- Как благословенно, - сказала моя тетя, - что здесь нет предела нашему совместному времяпровождению! У нас нет ни страха, ни боязни. Мы знаем, что, расставшись, встретимся опять. Мы будем часто видеть друг друга, мое дитя.

Потом брат пошел со мной в мой собственный дом и, с любовью обняв, оставил меня у двери в мою комнату.

Оказавшись внутри, я легла на мою кушетку, думая о происшедшем в этот чудесный день; но, взглянув наверх, на божественное лицо надо мной, я забыла все, кроме Него, и мир Христов окутал меня подобно мантии, я стала как одна из тех, кто успокоен мамой. Пока я лежала в этом блаженном отдыхе, брат Фрэнк вернулся; не став будить меня, он отнес меня в своих сильных руках к земле. Я не знаю, когда он покинул нас в нашем доме, выполнив свою миссию, хотя мой отец знал, что это было возвращение к моему дорогому мужу и окружающим его в его печальном путешествии к умершей жене; утешить и поддержать, и укрепить его в этот первый одинокий час скорби. Они считали, что это лучше, по мудрым причинам, мне подождать некоторое время до возвращения и вкусить блаженство новой жизни до грядущих испытаний

ГЛАВА 5

Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение? - Евр.1:14

Как часто покидают они серебряные беседки,
Чтобы прийти на помощь нам, когда мы в ней нуждаемся!
Как часто они прокладывают путь золотыми крыльями,
Летая в небесах, подобно крылатым вестникам,
Рядом с птицами; воюя за нас!
Они сражаются за нас, проявляют неусыпную бдительность,
Их яркие эскадрилья находятся вокруг нас,
И все для любви, и ничего для награды;
О, как небесный Бог заботится о человеке!

Эдмунд Спенсер.

Когда я пробудилась от моего сна, все было в сером свете земного утра, и я стояла на пороге дома в Кентвилле, который брат и я покинули вместе, примерно тридцать шесть часов раньше, если считать по земному времени. Я содрогнулась немного со с странным ознобом, когда увидела, где мы были, и быстро повернулась к моему брату Фрэнку, который стоял рядом со мной. Он обнял меня и с успокаивающей улыбкой сказал:

- Ради них будь смелой и сильной и постарайся сделать так, чтобы они поняли твои благословенные перемены.

Я не пыталась ответить, хотя приняла сердцем, и вошла с ним в дом. Все было очень тихо - ни малейшего движения. Мой брат тихо открыл дверь сразу направо от входа и жестом показал мне, чтобы я вошла. Я сделала это, и он, закрыв за мной, остался снаружи.

Что-то находилось в центре комнаты, и вскоре я обнаружила, что это был покров для гроба. Для меня большим облегчением было увидеть, что он был не черным, но светлого оттенка серого. Кто-то был на коленях рядом с ним, и, как только я медленно приблизилась, я увидела, что это был мой дорогой сын. Он стоял на одном колене, его локоть лежал на другом, и лицо было закрыто рукой. Одна рука была брошена на другую сторону гроба так, как будто он в последний раз обнимал свою маленькую маму. Я видела, что тело в гробу лежало так, как будто оно мирно спало, и было одето в серебристо-серое, с белыми мягкими складками около шеи и груди. Я признательна им за то, что они так хорошо помнили мои пожелания.

Я обвила руками шею моего любимого сына, и мягко положила его голову себе на грудь, коснувшись щекой его склоненной головы. Потом я шепнула:

- Дорогой, я здесь рядом с тобой - живая и дышащая, сильная и здоровая. Почему ты не обратишься ко мне вместо того безжизненного тела в гробу? Там только изношенное арендованное жилище - я твоя живая мама.

Он поднял голову, как будто слушал, потом, мягко положив свою голову на белое лицо в гробу, шепнул:

- Бедная, дорогая мамочка! - и снова закрыл лицо обеими руками, его тело сотрясилось от судорожных рыданий.

Пока я старалась успокоить его, дверь открылась и вошла его прекрасная молодая жена. Я обернулась навстречу ей, она медленно двинулась по направлению к нам. На середине пути мы встретились, и, мягко взяв обе ее руки в свои, я шепнула:

- Утешь его, дорогая девочка, как только можешь; он нуждается в человеческой любви.

Она на минуту нерешительно остановилась, глядя прямо в мои глаза, потом прошла дальше и преклонила колени рядом с ним, положив голову на его плечо. Я увидела, что он обнял ее и прильнул к ней, потом я ушла из комнаты, чувствуя, что он успокоился от того, что они были вместе.

За дверь я на мгновение остановилась, потом, медленно поднявшись по лестнице, вошла в знакомую комнату, дверь которой была приоткрытой. Все осталось в том же виде, как и тогда, когда я покинула ее, за исключением того, что не было тела, лежащего на белой постели. Как я ожидала, я нашла моего драгоценного мужа в этой комнате. Он сидел около ниши с окном, его рука покоилась на столе, и он печально смотрел на пол. Моя сердечная лучшая подруга сидела рядом с ним, и, казалось, пыталась утешить его. Когда я вошла в комнату, наш брат Фрэнк встал с кресла возле него и вышел, с сочувствием взглянув на меня. Я сразу же подошла к моему дорогому мужу, обняла его и прошептала:

- Любимый! Дорогой, я здесь!

Он беспокойно завертелся, не меняя своего положения.

Вирджиния сказала, как бы продолжая разговор:

- Я уверена, что она бы сказала тебе не оставить вещи незаконченными, которые возможно было бы сделать для нее.

- Она права, - шепнула я.

- Она была одна в эти последние минуты жизни, - стонал он.

- Да, дорогой, но кто знал, что они окажутся последними? Она так внезапно заболела. Что я могу сказать, чтобы утешить тебя? Ну, будет, пойдём с нами домой! Она хотела бы, чтобы ты так сделал, - я уверена.

Он печально покачал головой со слезами на глазах и сказал:

- Труд является моим единственным спасением. Я должен вернуться, как можно быстрее.

Она больше ничего не говорила, и он устало прислонился к своему легкому стулу. Я тихо подошла близко к нему и вдруг его руки окружили меня. Я шепнула:

- Дорогие, вы не видите, что я действительно рядом с вами?

Он был очень тих, и комната была очень спокойной, только стрелки моих маленьких часов все еще тикали на туалетном столике. Сейчас я поняла по его ровному дыханию, что он решил передохнуть от своего горя. Я мягко выскользнула из его рук и подошла к моей подруге, стоящей на коленях рядом с ним, и обхватила ее руками.

- Вирджиния, Вирджиния! Ты знаешь, я не умерла! Почему ты скорбишь?

Она взглянула на измученное лицо человека перед ней, потом закрыла лицо руками, шепча, так, как будто слышала меня и отвечала:

- О, Ребекка, милая, как ты могла покинуть его?

- Я здесь, дорогая! Пойми, что я здесь!

Она не прислушалась ко мне, но сидела, поглощенная скорбью.

Спустя несколько минут в комнату вошел незнакомец и негромко сказал что-то вроде того:

- Поезд скоро прибывает, - и подал моему мужу шляпу.

Он встал и подал руку Вирджинии, и наш сын с женой встретили его у двери; они начали спускаться по лестнице. Только тогда мой муж приостановился и бросил печальный взгляд вокруг комнаты; его лицо было белым от боли. Наша дорогая дочь быстро подошла к нему, обняла его за шею, повернула его лицо к себе («Боже, благослови ее во всем!» - тихо молилась я). Мгновение они стояли так, потом, сдерживая душевное волнение, они все прошли вниз по лестнице в ту первую комнату.

Я подошла очень близко к моему дорогому мужу, и ни мгновение не покидала его, пройдя с ним через все торжественные и впечатляющие службы, через печальную поездку к его старому дому; через последние мрачные ритуалы, после этого встреч с друзьями; и, в заключение, его возвращению к обычному распорядку труда. Как благодарна я была за то, что мне была дана возможность вкусить, в тот замечательный день на небесах, радость благословенной жизни! Как иначе могла бы я спокойно пройти через те мучительные сцены и наблюдать горе тех, кто дорог моему сердцу? Я признаю, что мудрость и милосердие Отца все так устроили.

Вскоре я обнаружила, что мой муж был прав; работа была его великим убежищем. В течение рутинной работы мозг и руки заняты, оставляя сердцу немного возможностей для потворства горю. Ночь была его временем испытаний. - Сердечные друзья оставались с ним до сна, после

этого он был один. Он беспокойно метался на подушке, и часто вставал и шел в соседнюю комнату, которая прежде была моей, и пристально смотрел на пустующую кровать глазами, полными слез. Он принял на себя все мои полномочия, это в некоторой степени облегчало его боль и успокаивало его. Через некоторое время брат Фрэнк и я организовали посменное дежурство по ночам около него, чтобы он никогда не был один; особенно мы были с ним в его поездках. Мы обнаружили, к нашей великой радости, что наше влияние на него час от часу становится все сильнее, и мы были в состоянии направлять и помогать ему во многих отношениях.

Однажды ночью, когда я молча наблюдала за ним, пока он спал, многие месяцы спустя, как он остался один, я осознала, что ему угрожало зло. Он спал очень мирно, и знала, что его сны были счастливыми, благодаря улыбке на его дорогом лице. Я прошла в зал гостиницы, где он остановился, и увидела плотную завесу дыма. Я поспешила вернуться и звала, и старалась встряхнуть его, но он мирно спал. Тогда я собрала все свои силы:

- Уилл! – крикнула прямо ему в ухо.

Тотчас же он вскочил и сказал:

- Да, дорогая, я иду! – точно так же, как он обычно делал, когда я звала его ночью.

Через минуту он со вздохом упал на подушку, бормоча:

- Какой яркий сон! Я никогда в жизни не слышал ее голос более отчетливо.

- Уилл! – крикнула я опять, волоча его за руку со всей своей силой, - вставай быстрее! Твоя жизнь в опасности!

Мгновенно он встал с постели и начал торопливо одеваться.

- Уверен, что я не могу сказать, почему я это делаю, - бормотал он про себя, - я только чувствую, что должен! Это, несомненно, был ее голос, который я слышал.

- Быстрее! Быстрее! – настаивала я.

Он открыл дверь и натолкнулся не только на дым, но и на языки пламени.

- Не пытайся идти по лестнице! – и я тянула его прочь от лестницы, через узкий вход во второй зал по ту сторону, и вниз на второй лестничный пролет, наполненный дымом, но пока еще без пламени. Другой пролет был еще ниже этих, потом на свежий воздух, где он зашатался, ослабевший и измученный; на тротуар, и друзья быстро отвели его в безопасное место.

- Уверен, что я не могу сказать, что проснулся сам, - впоследствии он сказал моей подруге, - Когда я спал, я услышал мою жену, зовущую меня, и прежде, чем что-либо понял, я уже одевался.

- Ты слышал ее, у меня нет никаких сомнений, - сказала она, - «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» Какое еще более прекрасное служение могла она выполнить, как не это спасение жизни одного из любимых ей людей, чей земной труд еще не завершен? Да, ты слышал ее, зовущей тебя вовремя убежать. Благодарю Бога за это служение.

- Да, это должно быть так, - ответил он со счастливым взглядом.

- Действительно, слава Богу!

После этого он стал более доступен для нашего влияния, таким образом, он начал наслаждаться, пока еще на этой земле, воссоединению, которое, несомненно, ждет нас в благословенной жизни. Я также часто шла к дому наших дорогих детей, но там было так много всего, что делало их счастливыми, что они не нуждались во мне так, как их отец. Иногда в часы великого физического изнеможения, особенно во время отсутствия жены, я видела, что могла бы успокоить переутомленные нервы и мысли моего дорогого сына, но юность, сила и любовь поддерживали его, и в это время мои служения не были необходимы.

ГЛАВА 6

Многие друзья, что путешествовали со мной,
Давно достигли ворот Неба;
Один за другим они покидали меня, сражаясь
Со мраком и лукавым врагом.
Они смотрят на ворота,
Они ждут у дверей;
Ожидая только моего прихода,
Любимые, которые ушли раньше.

Г-жа Н. М. Ризонер.

В первый раз, когда я вернулась к дорогому небесному дому после моей длительной задержки на земле, как только я подошла ко входу в компании с моим братом Фрэнком, мы увидели высокого молодого человека, стоящего вблизи от открытых ворот, мечтательно глядя на путь, по которому мы пришли. Когда мы приблизились, он сказал почти жалким голосом:

- Идущая - моя мама?

Более пристальный осмотр выявил его личность, и я воскликнула с радостью, раскинув обе руки навстречу ему:

- Мой дорогой Карролл!

Он просиял улыбкой, радушно приветствуя меня, протянул навстречу мне руки, но мечтательно сказал:

- Я так надеялся, что моя мама вернется с тобой, тетя, когда ты придешь обратно. Ты видела ее?

- Только однажды, на короткое время. Она очень счастлива и переносит свои годы хорошо. Осталось не так уж долго ждать, но потом, ты знаешь, она будет с тобой вечно.

- Да, я знаю, - ответил он выразительно, - Я буду терпелив. Но, - добавил он доверительно, - я так хочу увидеть ее в красивом доме, который я сам для нее построил. Хочешь прийти и увидеть его?

- Конечно, хочу, - обрадовалась я.

- Сейчас?

- Да, если можно, - я взглянула на брата, ожидая его разрешения. Он подтверждающе кивнул головой и сказал:

- Это правильно, Карролл. Ты можешь рассчитывать на его помощь во всем. Я должен оставить вас обоих, а ты потом приведешь ее ко мне позже?

- Конечно, - сказал мой племянник; и мы счастливо ушли вместе.

- Где этот прекрасный дом, Карролл?

- Не очень далеко от дома госпожи Уикхэм, - сказал он.

Вскоре мы дошли до него, и я была полностью очарована им во всем. Он был намного современнее, чем дом моего брата Нэлла, и был, подобно ему, выстроен из полированного дерева. Он был только частично построен, и более художественно выполнен. Хотя он был незавершен, я была поражена тем фактом, что все было идеально. Нигде не было ни мусора, ни щепки, ни стружки, ни пыли. Древесина, казалось, была полностью заготовлена в других местах - где, я понятия не имею. Куски были точно в пору, как пазлы большой картины. Это требует большого мастерства и художественного вкуса - правильно приспособить каждый кусок к его месту. Мой племянник, который еще в земной жизни был техническим гением, казалось, не испытывал никаких трудностей в работе, и дом медленно выстраивался в красоте и симметрии. После показа мне всего дома, он, наконец, отвел в сторону висящую перед входом завесу, за которой были две комнаты, не только полностью законченные, но и прекрасно обставленные мебелью.

- Я полностью завершил и обставил эти комнаты, так что, если бы мама пришла раньше, дом был бы готов, чтобы занять его сразу. Знаешь, здесь нет шума от рабочих, ни ударов молотка, ни других нежелательных звуков.

Я тотчас подумала, что при возведении храма в Иерусалиме, «ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного орудия не было слышно».

- Очень красиво, мой дорогой мальчик, - сказала я восторженно, - Она обрадуется еще больше, когда узнает, что это ты сделал для нее. Но что это - очаг? - остановилась я перед красивым открытым камином, в котором дрова были сложены и готовы для зажжения, - разве здесь бывает холодно?

- Здесь никогда не бывает холодно, - ответил он, - но огонь здесь никогда не излучает ненужное тепло. У нас есть свои радости, красота и сияние, без какого-либо дискомфорта. Помнишь, как моя мама любит сидеть у открытого огня, поэтому я организовал это для нее.

- Это очаровательно! Но ты не сделал витражи на окнах?

- Нет, у меня есть друг, который научен этому искусству, и мы обмениваемся опытом работы. Он помогает мне с окнами, а я, в свою очередь, работой по дереву и инкрустацией. Я собираюсь сделать «комнату цветов» для моей мамы, аналогичную твоей, только с лилиями и фиалками, которые навсегда останутся с их ароматом.

- Как красиво! Я хочу поблагодарить тебя, дорогой Кэрролл, за твое участие в нашей «комнате цветов». Это самая изысканная работа, которую я когда-либо видела, и вдвойне восхитительно, когда я вспоминаю, чьи руки это сделали.

- Это был труд любви со всеми нами, - сказал он просто, - Это то, что повышает его красоту для меня, - сказала я, - Но сейчас сядь здесь рядом со мной и расскажи мне о себе. Ты проводишь все свое время в этом восхитительном труде?

- О, на самом деле нет! Возможно, мы уделяем этому два-три часа в день. Большую часть времени я провожу с моим дедушкой Р. Я не знаю, что бы делал здесь, когда пришел сюда первый раз, если бы не он. Я был совершенно незнаком с этой жизнью, и так внезапно сюда пришел.

- Да, дорогой мальчик, я знаю, - сказала я сочувственно.
- Он встретил меня у самого входа, и сразу же взял меня домой, где он и бабушка делали все возможное, чтобы инструктировать и помочь мне. Но я был все еще гораздо ниже того уровня, на котором должен был быть. Я хотел бы взять один год из этой благословенной жизни, чтобы вернуться назад к старой жизни на целый год - если бы я только мог пойти к моим старым друзьям, или, еще лучше, в каждую воскресную школу в мире, и умолять девочек и мальчиков попытаться понять и извлечь пользу из обучения. Конечно же, я пользовался тем, чтобы ходить в воскресную школу, воскресенье за воскресеньем, помогал петь гимны, читал уроки и слушал все, что было сказано, и я действительно использовал каждый момент времени. Временами я чувствовал огромное страстное желание лучшей жизни, но, казалось, не было ни одного, кто мог бы помочь мне; и большую часть того, что я слышал в воскресенье, ни разу не рассказывал, и иногда даже мысли не приходили до другого воскресенья, так что впечатление было очень временным. Почему мальчики и девочки не говорят больше вместе о том, что они слышат в воскресных школах? Мы были всегда готовы, чтобы поговорить о шоу любого рода, после того, как оно прошло, но редко о воскресной школе, когда собирались вместе. Почему учителя не проявляют больше интереса к повседневной жизни учеников? Почему так мало действительно полезных разговоров в обычной семейной жизни? Ох, мне хотелось бы пойти назад и сказать им это!

Его лицо было зажжено энтузиазмом, когда он говорил, и я тоже хотела бы, чтобы у него была возможность сделать так, как ему хотелось бы. Но, увы! «если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят», - подумала я.

- Пришло время мне пойти с моим дедом, - он сказал, вставая, но до твоего дома мы дойдем вместе; ты позволишь мне часто видеть тебя?
- С удовольствием, - ответила я, и мы отправились.

Мы беседовали еще о многих вещах, пока шли, и, когда мы расставались у двери, я сказала: Я скоро научусь ткать красивые портьеры; потом я могу помочь тебе, когда до них дойдет очередь.

- Это сделает мою работу еще более восхитительной, - был его ответ, сразу после этого он поспешил в направлении дома моего отца

ГЛАВА 7

Она не умерла - дитя нашей любви,
Но ушла в ту школу,
Где она больше не будет нуждаться в нашей защите,
И где Учитель - Сам Христос.
День за днем мы думаем, что она делает
В том ярком воздушном королевстве;
Год за годом, следуя за ее мягкими шагами,
Видим ее возрастание в чести.

Лонгфелло

Только послушай! Песнь ангелов Рожденному,
На полях славы, через яшму моря!

У. Х. Дуан

Время шло, и я больше привыкла к небесной жизни вокруг меня, ее красота развернулась передо мной, подобно медленно раскрывающемуся прелестному цветку. Восхитительные сюрпризы встречались на каждом шагу. Теперь дорогой друг, с которым я рассталась годы назад в земной жизни, мог неожиданно прийти ко мне с сердечным приветствием; теперь те, - которые, возможно, на земле сильно восхищали, но от которых я держалась в стороне от страха перед нежелательным вторжением - могли подойти ко мне, открывая мне свои милые души, полные отзывчивой доброты и близкие по духу мысли, - так что я чувствовала острую боль сожаления оттого, что я потеряла. Потом, некоторые истины, лишь частично понятные в жизни, хотя я пылко искала их, представляли передо мной более ясными и сильными, овладевали мной, со всем своим блеском, и, возможно, показывали близкую связь земной жизни с божественной. Но самым удивительным для меня были неожиданные встречи с некоторыми из тех, кого я никогда не надеялась встретить, с теми, кто с жаром и полными слез глазами изливал бы свою искреннюю благодарность за некоторые полезные слова, серьезные предупреждения, и даже строгие упреки, благодаря которым они обратились от дороги ко греху в «жизнь вечную». Ах, что за радость была для меня, когда я это узнала! Ох, как я сожалею, что моя земная жизнь не была более полно посвящена работе для вечности!

Ежедневно моим первым порывом после пробуждения от счастливого блаженного отдыха было поспешить к «реке жизни» и окунуться в ее удивительные воды, такие освежающие, такие бодрящие, такие вдохновляющие. С сердцем, полным благодарения, и устами, полными

радостной хвалы, утро за утро, иногда в компании с моим братом, иногда в одиночку, я спешила туда, возвращаясь всегда исполненной новой жизни и надежды, и стремилась к нашему дому, где в то время я каждый день слушала чарующие откровения и инструкции моего брата. Однажды утром, вскоре после моего возвращения из моего первого визита на землю, когда я была на пути к реке, мой голос присоединился к прекрасному гимну хвалы, звучавшего повсюду; я увидела красивую юную девушку, быстро приближающуюся ко мне с распростертыми объятиями.

- Милая, милая тетя Ребекка! – позвала она, как только приблизилась, - ты узнаешь меня?
- Моя маленькая Майя! - Я плакала, сжимая тонкое создание в своих объятиях, - Откуда ты так внезапно выпрыгнула, дорогая? Позволь мне взглянуть на тебя снова! - на минуту я отвела ее от себя на расстояние вытянутой руки, только, чтобы снова нежно притянуть ее обратно.

- Ты стала очень красивой, мое дитя. Могу сказать тебе это сейчас без страха, я уверена. Ты всегда была милой, а сейчас просто светишься. Разве это не божественная жизнь?

- Да, - сказала она скромно и мило, - но самое лучшее - это быть как можно ближе к Спасителю.

- Ах, да, что это за время - быть рядом с Ним! Это любого сделает лучистым и красивым! - сказала я.

- Он так благ ко мне; так щедр, так мягок! Он, кажется, забывает о том, как мало я заслуживаю Его заботы.

- Он знает, что ты любишь Его, дорогая; это значит все для Него.

- Что я люблю Его! Ну, если любовь к Нему заслуживает награды, уверена, я должна иметь все желание моего сердца, чтобы я любила его в тысячу раз больше, чем что-либо на земле или небе. Я бы умерла за Него!

Привлекательное лицо становилось все более лучистым и красивым, пока она говорила, и я начала понимать чудесную силу Христа среди искупленных на небе.

Это дорогое дитя, которое так прекрасно во всех своих человеческих порывах, так полно земных желаний наслаждений в течение всей ее короткой жизни - чистой и хорошей (насколько мы считаем ее доброй и хорошей, будучи на земле), ещё кажется слишком поглощенной весельем жизни, чтобы думать глубоко о таких вещах, которые она в ее сердце уже почитает и уважает; сейчас в этой благословенной жизни посчитала преимуществом любить Христа, быть рядом с Ним больше любой другой радости! И как же очищает и преобразует любовь! Как огромная земная любовь всегда делает лицо сияющим и улучшает весь характер того, кто любит, так это божественная любовь возвышает и прославляет того, кто любит, до тех пор, пока не только лицо, но и весь человек не начнет светиться лучами славы, наполняющей его сердце.

- Пойдем со мной к реке, Майя, - сказала я вскоре после того, как мы побеседовали некоторое время, - Пойдем, искупаемся.

- С удовольствием, - сказала она, - но ты когда-нибудь была на озере или на море?

- На озере или на море? - переспросила я, - нет, конечно. Здесь есть озеро и море?

- Конечно же, есть - сказала Майя, с небольшим чувством превосходства оттого, что она знает о небесных окрестностях больше, чем я, - Мы можем пойти на озеро сегодня, а море оставить на следующий день? Как сделаем?

- Давай сегодня пойдем на озеро, - сказала я.

Таким образом, повернув в совершенно ином направлении от пути, который привел к реке, мы радостно последовали дальше, по-прежнему беседуя во время ходьбы. Так много есть что спросить, что вспомнить, так много радостей!

В какой-то момент она повернулась ко мне и быстро спросила:

- Когда придёт мой дядя Уилл?

Моя рука крепко сжала её руку, и комок застрял в моём горле, хотя я спокойно ответила:

- Это только в Божьих руках; мы не можем задавать вопросов.

- Да, я знаю. Его воля всегда правильная, но я так давно не видела моего дорогого дядю; и «долго» - не значит жаловаться.

Она выросла такой женственной, такой мудрой, этот ребенок нежного возраста, с тех пор, как мы расстались, что было радостно беседовать с ней. Я рассказала ей о моем печальном поручении на земле, и о скорби близких мне людей, которых я оставила.

- Да, да, я знаю все! - прошептала она, нежно обняв меня, - Но ждать осталось недолго. Они скоро придут. Здесь никогда не бывает так, что чего-то долго приходится ждать. Всегда так много занятий, так много приятных обязанностей, так много радостей - ах, это не будет долго!

Таким образом, она ободряла и утешала меня, пока мы шли через разнообразные и всегда прекрасные ландшафты. Наконец, она закричала, подняв руку и указывая своим розовым пальчиком:

- Смотри! Разве это не божественная красота?

Я затаила дыхание, потом резко остановилась и закрыла свое лицо руками, защищая глаза от полной славы сцены. Не удивительно, что мой брат не привел меня раньше на это место; я была недостаточно духовно сильной, чтобы смотреть на это. Когда я снова медленно подняла голову, Майя стояла, как бы приглашая меня. Свет золотого утра покоился на ее лице, и, смешиваясь с сиянием, которое было в ней, почти полностью преобразил ее. Даже она, так долго живущая здесь, еще не привыкла к этой славе.

- Посмотри, дорогая тетушка! Это Божья воля, чтобы ты это видела, - нежно прошептала она, не сводя глаз со сцены, которая перед ней, - Он позволил мне быть той, кто покажет тебе славу этого места!

Я повернулась и посмотрела, как бы в полудреме. Перед нами расстилалось озеро, гладкое, как стекло, но утопающее в золотой славе небес, которая сделала его подобным морю расплавленного золота. Цветочные и фруктовые деревья росли до самой его границы во многих местах, и далеко, далеко, на другой стороне этой сверкающей воды, высились купола и шпили этого, по-видимому, могучего города. Многие люди отдыхали у этих цветущих берегов, и на поверхности воды находились лодки чудесной конструкции, наполненные счастливыми душами, движимые невидимой силой. Маленькие дети, также как и взрослые, плавали и плескались в воде. Мы увидели группу поющих херувимов, парящих высоко над головами и перемещающихся над озером. Детские голоса донеслись до нас, где мы стояли, с радостной хвалой.

- Пойдем, - сказала Майя, схватив мою руку, - давай присоединимся к ним, - и мы поспешили вперед.

- Слава и честь! - пели детские голоса, - Владычество и сила! - подхватили и ответили голоса великого множества собравшихся, которые, как и мы, присоединились к пению. Группа херувимов продолжала парить вдали, и на расстоянии до нас доносились прекрасные мелодии их сладких голосов и ответное пение на тон ниже - тех, кто ждал внизу.

Мы стояли на краю озера, и мои щеки были покрыты слезами и глаза затуманились от пережитых эмоций. Я чувствовала себя слабой, как маленький ребенок, но, о, что за восторг, что за неизреченная радость наполнила и овладела мной! Может, я спала? Или это действительно был еще один этап бессмертной жизни?

Майя обвила рукой мою шею и прошептала:

- Дорогая, пойдем. После восторга - покой.

Я пассивно ей уступила; и не могла поступить иначе. Она повела меня в воду, глубже, глубже в кристальные глубины, и когда, казалось, мы должны были быть на глубине десятков-сотен метров от поверхности, она распростерлась в воде, предлагая мне сделать то же самое. Я сделала так же, и мы сразу же стали медленно подниматься. Наконец, я обнаружила, что мы больше не поднимаемся, а медленно плывем по течению, все еще под многими метрами от поверхности. Потом я увидела нечто чудесное. Взглянув, где я нахожусь, я увидела, что меня окружают преломляющиеся лучи. Мне казалось, что я покоилась в центре призмы, и такие яркие и тонкие расцветки земные глаза никогда не видели. Вместо семи цветов, как мы видим здесь, цвета смешивались в такие редкие полутона, что лучи, казались практически безграничными, или они действительно были такими, я не могла их отделить друг от друга. Пока я лежала, разглядывая эту удивительную панораму, краски то становились более глубокими, то постепенно исчезали, подобно северному сиянию.

Я была во власти звуков отдаленной музыки. Хотя Майя и я больше не цеплялись друг за друга, мы не плыли врозь, как это естественно можно было предположить, но на таком расстоянии друг от друга, что можно было легко разговаривать. Хотя несколько слов были произнесены нами, но молчание казалось слишком священным, чтобы с легкостью его нарушить. Мы лежали на, или, скорее, внутри воды, как на мягчайшем ложе. Не требовалось усилий, чтобы удержаться на плаву; мягкие волны успокаивали и расслабляли. Когда отдаленная музыка захватила мое внимание, я повернулась и взглянула на Майю. Она улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. Вскоре я уловила слова: "Слава и честь, величие и сила", и я знала, что это все еще был хор херувимов, хотя они теперь должны были быть за много километров отсюда. Потом мое ухо разобрало нежный звук колокольчика - серебряного колокольчика с серебряным языком. Я прошептала:

- Расскажи мне, Майя.

- Да, дорогая, расскажу. Вода этого озера преломляет свет самым непостижимым образом, как ты видишь; чтобы объяснить, как это происходит, нужно голову помудрее, чем у меня. Кроме

того, она передает музыкальные звуки – только музыкальные звуки – на большие расстояния. Песня, очевидно, была далеко от берега озера.

- И колокол?

- Это колокол, который находится в городе, на другой стороне озера, зовет к определенным служениям в этот час

- Никогда не было слаще призыва на службу, - сказала я.

- Да, этот звук прекрасен. Слушай! Сейчас звучит перезвон.

Мы легли и слушали, и пока мы слушали, сладкое очарование окутало меня, и я мирно уснула, как ребенок на груди матери. Я проснулась со странным чувством бодрости и силы. Это было чувство, полностью непохожее на то, что я испытала во время купания в реке, но я не могу объяснить, каким образом. Майя сказала:

- Одна вымывает остатки земной жизни и приготавливает для жизни, в которую мы входим; другая накладывает на нас отпечаток великолепной небесной жизни.

- И я думаю, что ребенок был прав.

Когда мы появились из воды, мы обнаружили берега озера почти пустынными, каждый ушел на вызов колокола выполнять счастливые обязанности этого часа. Группа детишек всё ещё играла рядом в радостной свободе. Некоторые забирались на деревья над водой, с проворством белок, и прыгали со счастливыми криками смеха в озеро, плавая на поверхности, подобно огромным и прекрасным водным лилиям или цветкам лотоса.

- Нет страха вреда или опасности, никакого страха болезни или аварии; безопасность, безопасность и мир, и радость! Это действительно благословенная жизнь, - сказала я, пока мы стояли и смотрели соревнования счастливых детей.

- Я часто думаю, как нас учили верить, что небо – это место, где мы будем носить золотые короны и всегда стоять с арфами в руках! Наши золотые короны являются ореолом Его благословенного присутствия вокруг нас, и нам не нужны арфы, чтобы творить песни хвалы. Мы видим короны и мы слышим ангельские арфы, когда Бог желает этого, но наше самое лучшее поклонение – это исполнять Его благословенную волю, - сказала Майя, когда мы стали уходить.

- Ты так мудра в небесных вещах, моё дитя, - ответила я, - как же я счастлива поучиться у тебя, дорогая! Расскажи мне всё о твоей жизни здесь.

И пока мы шли, она рассказала мне о своих годах на небесах – об исполнении своих обязанностей, ее радостях, друзьях, доме, - с привычной непринужденностью Я увидела, что её дом был на значительном расстоянии от нашего - далеко за башнями великого города через озеро, но она добавила:

- Что есть расстояние на небе? Мы приходим и идем, как нам угодно. Мы не чувствуем усталости, не спешим и не задерживаемся; это благословенно, благословенно!

Неподалеку от нашего дома мы увидели группу детей, играющих на траве, и среди них была красивая большая собака, на которой они катались и прыгали с величайшей свободой. Когда мы приблизились, пёс бросился от них и с привязанностью пошел к нам встретить нас, припав к земле и виляя хвостом, каждым движением выражая приветствие.

- Ты не знаешь его, тетушка? – сияющее спросила Майя.

- Это же дорогой старый Спорт! – воскликнула я, наклонившись и обняв его за большую шею, положила свою голову на его шелковистую шерсть.

- Дружище! Как я рада, что ты здесь!

Он ответил на каждую мою ласку с выражением восторга, и Майя громко смеялась от нашей взаимной радости.

- Я частенько задумывалась, найду ли я его здесь. И он, безусловно, заслуживает счастливой жизни за свою верность и самоотверженность в другой жизни. Его интеллект и его верность были намного выше тех многих людей, которых мы считаем бессмертными.

- Не пожертвовал ли он своей жизнью ради маленького Уилла?

- Да, он пытался пересечь дорожку перед приближающимся поездом, потому что увидел, что он будет проходить между ним и его маленьким хозяином, и опасался, что тот в опасности. Это стоило ему жизни. Он всегда становился между любым из нас и угрожающей опасностью, но к Уиллу, казалось, относился особо. Он был храбрым товарищем - он заслуживает бессмертие.

- Дорогой, дорогой старый Спорт, ты никогда не оставляй меня снова! – сказала я, доверчиво поглаживая его.

При этом он прыгнул на ноги, радостно лая, прыгал и резвился перед нами остаток пути домой, затем лег на пороге, довольно смотря вверх и виляя своим пушистым хвостом, как бы говоря: «Смотрите, как я ловлю каждое ваше слово!»

- Он понимает каждое слово, которое мы говорим, - сказала Майя.

- Конечно, понимает, вот только не может говорить для полного совершенства. Я-то надеялась, что он может найти его здесь.

- Не было бы и вполтину так интересно, если бы он мог, - сказала Майя.

- Возможно, нет. Какая шелковистая и красивая его длинная шерсть!
- Он купается в реке каждый день, и это также оставляет на нем свой след. Ты знаешь, я думаю, одно из сладких доказательств Отцовской любящей заботы о нас в том, что мы часто находим в этой жизни то, что было дано нам для счастья внизу. Чем более неожиданно это, тем больше радости она приносит – я помню, как однажды увидела, как красивая маленькая девочка вошла в небеса, сразу же она попала в большую и нежную семью. Впоследствии я узнала, что скорбящий крик ее матери был:

- О, если бы только она кого-нибудь встретила там, кто позаботился бы о ней!
Она пришла, любовно принесенная на руках Самим Господом, а чуть позже, когда Он сидел, все еще держа ее на руках и разговаривая с ней, удивительной красоты котенок Ангора, которого ребенок очень любил, и который болел и умер несколькими неделями раньше, к ее великому сожалению, прибежал по траве и прыгнул прямо в ее руки и, умиротворенный, лег. Что за радостный крик был, когда она узнала своего любимца, такие объятия, столько поцелуев получил котенок, это произвело столько радости на небесах! Кто, как не наш любимый Папа мог подумать о таком утешении для маленького ребенка? Она, очевидно, была робким ребенком, но теперь, когда дети собрались вокруг нее, с восхитительной свободой, которая всегда проявляется в присутствии возлюбленного Господа, она, смело смотря в нежные глаза над собой, начала застенчиво рассказывать об удивительном уме своей безмолвной кошки, пока, наконец, Иисус не оставил её полностью увлечённой игрой среди цветов со своими маленькими друзьями, которые собрались вокруг неё. Наш любящий Отец никогда не забудет нас, но даст всё для наслаждения и комфорта в соответствии с каждой нашей нуждой.

- Когда я смогу увидеть Спасителя? Когда я встречу, лицом к лицу, с Тем, Кого моя душа так любит? – раздался крик из глубины моего жаждущего сердца.

Мая, как будто понимая мой безмолвный крик, обняла меня за шею, нежно посмотрела в мои глаза, и шепнула:

- Ты тоже, драгоценнейшая, скоро увидишь Его. Он никогда не откладывает, когда созревает время Его прихода. Осталось недолго. Ты тоже скоро увидишь Его.

Так мы расстались, каждый для выполнения своих обязанностей в этот час

ГЛАВА 8

Лишь чуть-чуть узнала я об этом благословенном цветущем месте,
Я узнала только Его спину, мы увидим Его лицо.
Все это, несомненно, вечно будет с нами,
В славе Его присутствия, в чудной стране.
Как ребенок стремится к матери и птичка к гнездышку,
Так охотно иду я к груди моего Спасителя,
Он собирает на своем лоне немудрых, ничего не стоящих ягнят, подобных мне,
И ведет их Сам в Свое Отечество.

Мария Ли Димарест

На следующее утро брат сказал мне, после интересных часов обучения:

- Сейчас пойдем - навестим госпожу Уикхэм, как обещали?
- Действительно, пойдем! – ответила я с нетерпением, поэтому мы сразу отправились.

Вскоре мы достигли ее прекрасного дома, и нашли ее ждущей у входа, как будто она ожидала нас. После сердечных приветствий к нашему другу, мой брат сказал:

- Я оставил вас вместе для «долгого разговора», к которому, я знаю, вы обе стремитесь, и пойду исполнять другие обязанности. Я найду тебя, чуть позже, дома, - последняя реплика была обращена ко мне.

- Хорошо, - ответила я, - Я знакома с дорогой сюда, и не нуждаюсь, чтобы ты зашел за мной.

После того, как он ушел, моя подруга взяла меня в свой красивый дом, показывая, с превеликим удовольствием, комнаты, приготовленные для каждого горячо любимого ею из ее земной семьи, которым еще предстоит прийти. Одна очень большая комната, из открытых окон которой выглядывали цветущие и полные фруктов ветки неувядающих деревьев, выглядела гостеприимно и, несомненно, была приготовлена с особенной заботой; она шепнула мне:

- Дугласу всегда нравился большой зал. Я уверена, что он хотел комнату, подобную этой. И я также, конечно.

Вернувшись вниз по широкой лестнице, мы обнаружили, что она вступила в очень большой музыкальный зал с широкими галереями, поддерживаемые мраморными колоннами, с трех сторон, на уровне второго этажа. В этой галерее было множество музыкальных инструментов - арфы, виолы и несколько непохожих ни на какие инструменты, которые я где-либо когда-то видела. Комната была заполнена легкими стульями, диванами и специальной мебелью у окна, в которых слушатели могли отдохнуть и слышать сладкие мелодии из галерей.

- Моя дочь, - объяснила подруга, - покинула нас в раннем детстве, здесь она получила чудесную музыкальную подготовку. Она часто собирает своих юных друзей и балует их чудесной музыкой. Ты знаешь, наш старый дом снабдил несколькими редкими голосами небесные хоры. Марию Аллис, Уилла Григгс, и многих других ты часто будешь слышать в этом зале, я верю.

Мы вновь вышли из этого зала в радушный холл, открывающийся на переднюю веранду и наружные дорожки. Здесь госпожа Уикхэм пригласила меня сесть рядом с ней и сказала:

- Теперь расскажи мне все о дорогом доме и всех его благословенных друзьях.

Держась за руки, мы беседовали, она задавала вопросы, я отвечала; так продолжалось несколько часов. В конце-концов она сказала, поспешно вставая:

- Я оставляю тебя на некоторое время - но ты не должна уходить, есть ещё много о чём поговорить, подожди здесь, я вернусь.

Я уже научилась не ставить под сомнение решения этих мудрых друзей, и согласилась с ней. Как только она прошла через дверь к внутренним покоям, я увидела у входа незнакомца и встала ему навстречу. Он был высокий и выглядел внушительно, с лицом несказанной привлекательности и красоты. Где я могла его видеть раньше? Безусловно, я уже встречалась с ним, когда пришла сюда. Ах, теперь я знаю! - подумала я, - это святой Иоанн, любимый ученик. Я его видела утром у реки.

- Мир дому сему, - было его приветствие, когда он вошел.

Как взбудоражил и привел в трепет его голос! Неудивительно, что Господь любил его, при таком голосе и лице!

- Входи. Ты желанный гость. Входи, а я позову хозяйку, - сказала я, приглашая его войти.

- Нет, не зови ее. Она знает, что я здесь, она вернется, - сказал он, - Сядь на некоторое время рядом со мной, - продолжил он, как только увидел, что я по-прежнему стояла, когда он сел. Он встал и повел меня на место рядом с ним, и, подобно ребенку, я сделала так, как он сказал; все еще смотря, не отрываясь, на замечательное лицо передо мной.

- Ты недавно пришла сюда? - сказал он.

- Да, я здесь недолгий период времени. Насколько недолгий, что не знаю, как считать время так, как вы считаете его здесь, - ответила я.

- Ах, это не имеет значения, - сказал он с мягкой улыбкой, - Многие всегда цепляются к старым вычислениям и земному языку. Это является связующим звеном между двумя жизнями; мы не могли бы иначе. Как впечатления? Как тебе жизнь здесь?

- Ах, - сказала я, - Если бы они могли только знать! Я никогда не понимала и до сих пор в полной мере не понимаю значения этого возвышенного пути, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его». Это действительно сверх человеческого понимания, - сказала я с глубоким чувством.

- Для тех, которые любят Его? Ты веришь, что все христиане действительно любят Его? - спросил он, - Считаешь ли ты, что они любят Отца за дар Сына и Сына из-за Отцовской любви и милости? Или их многократное поклонение - больше долг, чем любовь? - он говорил задумчиво и мягко.

- Ах, - сказала я, - ты, кто так хорошо знает возлюбленного Господа - кто был так любим Им - как можешь ты сомневаться в любви, которую Он должен вселить в сердца всех, кто стремится узнать Его?

Яркое свечение распространилось от удивительного лица, которое он поднял, смотря прямо на меня - пелена спала с моих глаз, и я узнала его! С сильным криком радости и обожания, я бросилась Ему в ноги, орошая их счастливыми слезами. Он нежно погладил мою склоненную голову, затем поднял и прижал к себе.

- Мой Спаситель - мой Царь! - прошептала я, прильнув к Нему.

- Да, и Старший Брат и Друг, - добавил Он, нежно стирая слёзы с моих ресниц.

- Да, да, Возвышающийся среди десятков тысяч и Единственный совершенный в красоте! - снова прошептала я.

- Ах, теперь ты начинаешь отвечать условиям новой жизни! Подобно многим другим, изменение веры на видение вызвало у тебя небольшое отступление, небольшой страх. Это неправильно. Разве ты забыла обещание: «Я иду приготовить место вам, ...чтобы и вы были, где Я» Если ты любила Меня, когда не видела, только верой, люби Меня еще больше сейчас, когда мы стали

сонаследниками Отца. Приходи ко Мне со всеми своими нерешенными вопросами и радостями; приходи к Старшему Брату, всегда ожидая, что Он примет Тебя с радостью.

Затем он вернул меня на место, и беседовал со мной долго и искренне, разворачивая многие тайны божественной жизни. Я сохраняла Его слова, я наслаждалась каждой нотой Его голоса; я горячо рассматривала каждую черточку любимого лица; и я была ободрена, возрождена силой Его слов. Наконец, с божественной улыбкой, Он поднялся.

- Мы будем часто встречаться, - сказал Он, и я, склонившись, почтительно коснулась губами Его руки, когда Он пожал мою руку. Потом Он, благословляя, возложил руки на мою склоненную голову, бесшумно прошел и быстро вышел из дома.

Пока я стояла, смотря на удаляющуюся фигуру Спасителя, проходящего под цветущими деревьями, я увидела двух прекрасных юных девушек, приближающихся тем же путем, по которому Он ушел. Они пришли, держась за руки и счастливо беседуя - прекрасная Мария Бейтс и Майя Камден. Когда они увидели Господа, с довольным криком они вылетели навстречу Ему, и Он радостно протянул руку каждой, они повернулись, и повиснув на Его руке с обеих сторон, сопровождали Его в Его пути, доверчиво смотря на его лице, когда Он разговаривал с ними, и, по-видимому, беседуя с Ним, в счастливой свободе. Время от времени я видела Его лицо в профиль, когда Он поворачивался к девушкам, с любовью смотря на одну, то на другую, и я подумала: «действительно, как дети с возлюбленным старшим братом». Я смотрела на них до тех пор, пока деревья не закрыли их от моего взгляда, сильно желая быть вместе с дорогими моему сердцу девочками, но, зная, что Его присутствие было для них большим, чем что-нибудь еще; потом я повернулась и тихо прошла через дом к красивому выходу с другой стороны. Не успев дойти до двери, я встретилась с моей подругой госпожой Уикхэм. Прежде, чем я что-либо произнесла, она сказала:

- Я знаю все. Не пытайся говорить; я знаю, твое сердце полно. Я увижу тебя очень скоро, иди! - и она нежно подтолкнула меня к двери.

Как мое сердце благословило ее - на самом деле, кажется святотатством пытаться говорить на обыденные темы после того благословенного общения. Я не пошла по дороге, но пересекла цветочный газон, под низкими деревьями, пока не достигла дома. Я увидела, что мой брат сидел на веранде, и, когда я подошла, встал мне навстречу. Когда он посмотрел на мое лицо, он на мгновение взял меня за руки, и только и сказал, очень мягко:

- А, я вижу. Ты была с Господом! - и благоговейно отступил в сторону, чтобы я вошла в дом.

Я поспешила в свою комнату, и, задернув за собой портьеры на дверях, бросилась на диван и с закрытыми глазами переживала каждое мгновение, которое я провела в этом святом Присутствии. Я вспоминала каждое слово и каждую нотку голоса Спасителя, инструкции, которые Он дал, были нестираемы из моей памяти. Мне казалось, что я была поднята на более высокий уровень, чтобы глубже напиться из фонтана благодати, потому что я встретила Того, «Кого любила моя душа». Это было долгое, благословенное переживание, которое я провела, таким образом, с моей душой в тот священный день. Когда я посмотрела на картину с Его лицом, надо мной, я удивилась, что не сразу узнала Христа, сходство было такое полное. Но потом пришла к выводу, что мои глаза были удержаны до тех пор, пока Он не захотел, чтобы я увидела Его таким, какой Он есть.

Когда же я встала, мягкий золотой свет был вокруг меня, и я преклонила колени у моей подушки, чтобы впервые помолиться на небесах. До этого времени моей жизни я только постоянно благодарила и, казалось, что тут нет места для ходатайств. И теперь, когда я склонилась, всё, что я могла произнести вновь и вновь, было:

- Я благодарю Тебя, благословенный Отец; Я благодарю Тебя, я благодарю Тебя!

Когда я, наконец, спустилась по лестнице, я нашла своего брата стоящим у той великой «цветочной комнаты» и, подойдя к нему, я мягко сказала:

- Фрэнк, что вы делаете на небесах, когда хотите помолиться?

- Мы прославляем! - ответил он.

- Так давай же прославим сейчас, - сказала я.

И стоя там, взявшись за руки, мы возвысили наши сердца и голоса в гимне хвалы Богу; голос моего брата был отчетливым и сильным, и он вел, а я следовала за ним. Когда первые ноты зазвучали, я подумала, что крыша отражает их, но вскоре я обнаруживала, что это другие голоса сливались с нашими, и весь дом, казалось, наполнился невидимыми певцами. Такой величественный гимн хвалы земля никогда не слышала. И, когда начался гимн, я узнала много дорогих голосов из прошлого - патетический тенор Уилла Григгса, изысканное сопрано Марии Алис и многие другие голоса, которые пробудили память ушедших лет. Как только я услышала сладкие детские голоса, я посмотрела вверх и увидела над нами такое облако светящихся детских лиц, что мое сердце переполнилось радостью. Комната, казалось, была заполнена ими.

- Ах, какая жизнь, какая божественная жизнь! – прошептала я, после того, как улетел последний звук; брат и я вернулись на веранду и сидели в золотых сумерках.
- Это только первая страница твоего дневника, - сказал он.

Это счастье должно было постепенно разворачиваться перед нами, т.к. иначе мы не могли, даже здесь, вынести этот ослепительный блеск славы.

Следующий час был освящен общением, когда он повел мою душу еще глубже в тайны славной жизни, в которую я вступила. Он учил меня, я слушала. Иногда я спрашивала, но редко. Я продолжала принимать манну небесную, которую он давал мне, с сердцем, полным благодарности и любви.

ГЛАВА 9

Мы снова увидим ее уже не дитем:
Ибо, когда с диким восторгом
Снова заключим ее в свои объятия
Она будет не ребенком,
Но красивой девушкой, в отцовском особняке,
Облаченная в божью благодать,
И прекрасная во всей ее раскрывшейся душе,
Которую мы увидим на ее лице.

В. Генри Лонгфелло

На следующий день, когда мой брат находился вдали по важному заданию, я начала в одиночку искать, не смогу ли я найти дорогих юных друзей – тех, кого я увидела быстрым мимолетным взглядом накануне. Я знала, что все вещи были расставлены правильно в этом счастливом мире, и что, рано или поздно, я найду их снова; но надеялась, что это может произойти очень скоро. Я вспомнила свет счастья на их свежих юных лицах, когда они встретили возлюбленного Господа, и я стремилась поговорить с ними об их жизни, день за днем. Потом от мысли о них я опять перешла к воспоминаниям о моем благословенном разговоре с Ним, эти мысли так поглотили меня, что я стала рассеянна к прекрасному миру вокруг меня. Вдруг я услышала, как кто-то сказал:

- Несомненно, это госпожа Спринджер! - и взглянув, я увидела на расстоянии нескольких шагов Марию Бейтс, внимательно разглядывающую меня. Я радостно воскликнула:
- Моя драгоценная Машенька!

Она подлетела ко мне и заключила меня в свои объятия, ласково притянув мою голову себе на плечо, как в прежние времена, едва не рыдая от великой радости.

- Дорогая, дорогая Ребекка! Как я рада, как рада встретить тебя здесь. Я едва могла дождаться, чтобы увидеть тебя!
- Как ты узнала, что я здесь, Машенька?
- Господь сказал мне, - ответила она тихо, - Майя уже рассказала мне, и мы были на пути, чтобы найти тебя, когда мы встретили Его, и Он сказал, Он только что оставил тебя. Тогда мы поняли, что нам придется немного подождать, - сказала она с благоговением.

Как затрепетало мое сердце! Он думал обо мне, Он говорил обо мне, после того, как мы расстались! Я стремилась расспросить ее, что Он сказал, но не посмела. Как будто, отвечая на мои мысли, она продолжила:

- Он говорил так нежно о тебе, и сказал, что мы должны проводить с тобой много времени. Майя сегодня работает, и так как она уже видела тебя один раз, я пришла одна. Она, может быть, будет здесь чуть позже. Могу ли я остаться с тобой на долгое время? Так много всего, что нужно рассказать, и так много, о чем спросить!
- Конечно, можешь! Я как раз отправилась на поиски тебя, когда ты меня встретила. Пойдем, милое дитя, давай сразу же вернемся домой.
Так, держась друг за друга, мы направились к моему дому.

- Что рассказать тебе в первую очередь? - спросила я.
- Все, о близких – о каждом индивидуально из нашей любимой семьи. Начни с моей драгоценной матери с разбитым сердцем, - здесь ее голос слегка дрогнул, но она вскоре продолжила, - Я с ней часто, но ее большое, и я, боюсь, безутешное, горе, не дает мне успокоить ее тем же утешением, какое я давно имею здесь. Если бы только она могла бы провести один час со мной здесь, могла знать Божью мудрость и любовь, как мы знаем ее, туча ушла бы из ее жизни! Она бы увидела, что две жизни, в конце концов, это всего лишь одна.

- Да, милая, - ответила я, - Я всегда призывала ее думать об этом именно так и доверять

безоговорочно Папиной мягкой заботе и никогда не убывающей любви; но нам трудно это увидеть за одинокими каменными плитами и опустевшими креслами. Тем не менее, я верю, она начинает смутно понимать утешение, которое ты так желаешь ей передать.

- Ах, если бы она только знала, что я нуждаюсь сейчас только в том, чтобы мое счастье было полным! Мы не можем скорбеть здесь, как делали это на земле, потому что мы познали, что воля Отца всегда благая и мудрая, но, может, даже небо никогда не будет полным для меня, пока я знаю, что моя драгоценная мама забыла о многих редких своих благословениях, просто потому что я не могу быть с ней, во плоти, чтобы поделиться ими. Существует мой отец, и мальчики, я все еще по-прежнему ее, так же как они! Я часто сижу со всеми ними, держа ее руку в моей, или обняв ее – мою дорогую мамочку! Почему она должна видеть меня, чтобы признать это? Но это ропот, не так ли? Когда-нибудь она будет знать все - мы должны быть терпеливы.

Пока мы медленно ходили, беседуя о земной жизни, все еще во многих аспектах так дорогих для нас, она задавала нетерпеливые вопросы, я отвечала, как могла, мы увидели группу из четырех человек, трех женщин и мужчину, стоящих под деревьями немного в стороне от нас. Мужчина стоял спиной к нам, но мы тотчас узнали в нем Господа. Женщины были все незнакомы, и одна из них, казалось, только что пришла. Спаситель держал ее за руку, в то время, пока разговаривал с ней, все остальные с жадной слушали Его слова. Мы молча посмотрели на группу и медленно последовали мимо, не надеясь, что Он нас примет в такое время, но, как только мы оказались напротив них, «Господь, обратившись, взглянул на» нас. Он не говорил, - но, о, что за взгляд! Настолько полон благодати, поддержки и одобрения. Он возвысил нас, он возродил нас, он ободрил и воодушевил нас; и, когда мы подошли, Господь пожал наши руки, и восторг переполнил наши сердца.

Мы закончили нашу прогулку в молчании, и сели на мраморную ступеньку в тени нависающих деревьев. Милая девочка уютно устроилась напротив меня, и положила свою голову на мое плечо, в то время как я отдыхала, прижавшись к ней щекой. Через некоторое время я шепнула, наполовину сама себе:

- Что за взгляд!

Мгновенно она подняла голову и, посмотрев на меня, горячо сказала:

- Ты тоже так думаешь? Я была уверена, что ты тоже так думаешь. Это просто всегда так.

Если Он слишком занят, чтобы поговорить с тобой в это время, Он просто смотрит на тебя, и это, как будто Он говорил долго, пока был с тобой. Разве это не замечательно! Почему, почему бы нам не знать Его на земле, как мы знаем Его здесь? "

- Как долго ты была здесь, перед тем, как повстречала Его? - спросила я.

- О, это удивительно! Он был первым, Кого я увидела после того, как покинула тело. Я чувствовала смущение, когда я впервые поняла, что свободна, и пришла в замешательство. Потом я увидела, что Он стоял рядом со мной, с этим самым взглядом на Его лице. Сначала я почувствовала робость и слегка испугалась. Потом Он протянул ко мне руку и мягко сказал:

- Мое дитя, я пришел заботиться о тебе, доверься Мне, не бойся. Тогда я знала Его, и тотчас все страхи покинули меня, и я вцепилась в Него, как если бы Он был одним из моих братьев. Он много не говорил мне, но каким-то образом я чувствовала, что Он понимает все мои мысли. Минуту спустя я спросила:

- Не могу ли я остаться на некоторое время с мамой? Ее сердце разбито.

- Да, дорогое дитя, настолько долго, насколько ты пожелаешь, - ответил Он сочувственно.

- Ты тоже останешься? - спросила я, так как уже чувствовала, что не выдержу, если Он оставит меня.

Он выглядел очень довольным, как будто был восхищен моими мыслями, и ответил:

- Да, я никогда не покину тебя, до тех пор, пока ты не будешь готова сопровождать Меня.

Потом я пошла к маме и обняла ее, и вскоре Господь тоже пришел и прошептал ей слова утешения, но я не уверена, что она почувствовала наше присутствие, хотя думаю, что она стала более спокойной от моих утешений.

Мы остались до тех пор, пока все не закончилось. Я никогда не покидала маму ни на миг, за исключением того, что дважды я уходила в комнату к бедному маленькому больному Хэлсу, когда он был на короткое время один. Я всегда чувствовала, что он признавал мое присутствие больше, чем кто-либо из них, он лежал так спокойно, когда я разговаривала с ним. Казалось, он прислушивался. Когда они собрались в последний раз вокруг моего гроба, мне казалось, я должна говорить, я должна показать себя им! Могут ли они на мгновение увидеть меня живую, стоящую спокойно среди них, могут ли они навсегда обратиться от бездыханного тела, которое они набальзамировали и нарядили для могилы. Они могли бы знать, что меня там не было. Но

они не будут признавать правду. Под конец я попросила Господа, чтобы Он разрешил мне показаться им, но он сказал:

- На это нет воли Отца.

После этого я согласилась полностью с волей Отца, и в скором времени после этого он принес меня сюда на руках. И что это за благословенная жизнь!

Я могу дать лишь краткое изложение нашей беседы в тот первый счастливый день. Это слишком священо, чтобы пристально разглядывать это любопытными глазами. Мы беседовали до золотого заката, и мы смотрели на маленьких птичек, гнездившихся в виноградных лозах, а также слышали издали торжественные радостные ангельские хоровые песни, и присоединили наши голоса к гимну хвалы. Позже мы пришли в мою комнату и легли на диван для отдыха; последние слова, которые я услышала, прежде чем погрузиться в небесный блаженный сон, был ласковый шепот:

- Дорогая, дорогая, я так рада и счастлива, что ты здесь!

Меня не раз спрашивали: «Есть ли там ночь?». Безусловно, нет! То, что, за неимением лучшего обозначения, мы можем назвать «днем», было наполнено славным сиянием, радостным золотым светом, который был повсюду. Нет слова на земном языке, которое может описать эту чудесную славу. Она затопила небо, она преломлялась и отражалась в воде, она заполняла все небо радостью и все сердца песней. После периода, гораздо большего, чем наш самый длинный земной день, это слава сгущалась и становилась более нежной до тех пор, пока она не становилась яркими сумерками, полными мира. Дети прекращали свои игры под деревьями, маленькие птицы укрывались в гнездышках среди виноградных лоз, и все, кто был занят различными делами в течение всего дня, успокаивался. Но нет никакой тьмы, ни даже тени сумрака, только успокоительная смягчающая слава.

ГЛАВА 10

О, сладкая и благословенная страна,
Дом Божьих избранных!

О, сладкая и благословенная страна,
Которую ждут жаждущие сердца!

Там гора Сион

И торжествующий собор

И свет от множества ангелов

И всех мучеников толпа.

Санкт Бернард

Вскоре после этого мой брат сказал:

- Этим утром мы пойдем в большую аудиторию, это будет редкий день даже здесь. Мартин Лютер будет говорить на тему: «Реформация, ее причины и последствия», и это будет дополнено Джоном Уэсли. Там могут быть также и другие ораторы.

Это был не первый раз, когда мы посетили этот великий зрительный зал, хотя я до сих пор не описала его. Он стоял на небольшом возвышении, могучий купол поддерживался массивными колоннами из камня, похожего на аметист и яшму. В этом огромном здании не было стен, только большой купол и поддерживающие колонны. Широкая платформа из драгоценного мрамора, инкрустированная порфиром, возвышалась из центра, от которого восходили сидения с трех сторон, образуя огромный амфитеатр. Сиденья были из кедрового дерева высокой полировки; и позади платформы были тяжелые портьеры королевского пурпурного цвета. Алтарь из твердой жемчужины стоял рядом в центре платформы.

Большой купол был глубоким и темным в своей необъятности, так что только золотые статуи вокруг нижней границы были отчетливо видны. Все это я отметила во время прежних посещений.

Когда мы вошли, то обнаружили, что здание заполнено людьми, ждущими с сильным желанием то, что должно произойти. Вскоре мы тоже сидели и ждали. Нежные мелодии плыли вокруг нас, от невидимых хоров, и вскоре Мартин Лютер, в расцвете лет, энергичный и мужественный, вошел и встал перед нами. У меня нет цели описывать его внешний вид, так знакомый всем нам, скажу только, что к его огромному интеллекту и силе духа добавилось мощное телосложение, что по-прежнему делало его подходящим лидером, даже в небесах.

Его речь сама по себе заслуживает отдельной книги, и не может быть передана, даже в общих чертах, в этом кратком очерке. Он покори нас силой своей воли и своим красноречием.

Когда он закончил, его место занял Джон Уэсли; святая красота его лица усилилась от небесного света, это было чудесно. Его темой была «Божья любовь»; и если в земной жизни он притягивал своей силой, то теперь он захватил наши души огнем своего восторженного

состояния, при котором мы были как воск в его руках. Он показал, что эта любовь сделала для нас, и о том, как даже вечность благодарения и хвалы не сможет никогда отплатить за это.

Безмолвие от впечатления, сладкие мелодии невидимого хора окружали обширную аудиторию в течение некоторого времени после того, как он покинул кафедру. Все, казалось, были погружены в размышления о теме, когда он так тихо остановился. Затем тяжелые портьеры позади платформы раздвинулись, и открылся Величественная Фигура, вокруг Которой, казалось, сосредоточилась вся слава небес, Он продвинулся вперед к середине платформы. Мгновенно громадное скопление душ встали на ноги и взорвались одним голосом в величественный гимн, который мы так часто поем на земле:

«Вся сила имени Иисуса
Пусть ангелы падут ниц
Принесут царский венец
И коронуют Его, Господа всех».

Такого великого хора голосов, такого единства, такой гармонии, такой масштабности, еще никогда не было слышно на земле. Это усиливалось, увеличилось, и, казалось, заполнило не только большую аудиторию, но само небо. И по-прежнему, над всем этим, мы слышали голоса ангельского хора, но уже не нежные, сладкие мелодии, но взрыв победоносной ликующей хвалы. Торжествующая слава, казалось, заполнила место, и, взглянув вверх, мы увидели большой купол, пылающий золотым светом, и в центре его фигуры ангелов больше не невидимого хора, с небесными арфами и виолами, с лицами, сияющими лишь чуть меньше, чем у Него, Которому они пели хвалу. И Он, перед которым все небо склонилось в поклонении, стоял с поднятым лицом и величественным видом, Сам Бог земли и неба. Он был центром всего света, и Божественное сияние окружило Его, что было вне всякого сравнения.

Как только гимн хвалы и поклонения закончился, все медленно опустились на колени, и каждая голова склонилась и каждое лицо закрылось, хор ангелов снова пропел знакомые слова:

«Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу
Ныне и присно и во веки веков,
Мир без конца. Аминь, аминь!»

Постепенно голоса угасли, и святая тишина опустилась на нас. Медленно и благоговейно все поднялись и снова заняли свои места. Нет, не все. Прекрасная Мария Бейтс, которая сопровождала нас в храм, я заметила, что только она все еще преклоняла колени среди нас, со сложенными руками и сияющим поднятым лицом, ее прекрасные глаза были устремлены на Спасителя, в то время как Он все еще стоял перед нами, - с таким взглядом самозабвенного поклонения и любви, что сама стала по-настоящему божественной. Она была настолько поглощена, что я не осмелилась побеспокоить ее, но вот Господь повернулся и встретил ее обожающие глаза с взглядом признания в любви, с глубоким вздохом исполненного желания; как только Он снова повернулся, она тихо заняла свое сиденье рядом со мной, положив свою маленькую ручку в мою с полным доверием ребенка, который чувствует, что его понимают.

Когда я посмотрела на фигуру, окруженную славой, которая была перед нами, одетую во все величие Божества, мое сердце трепетно спросило: «Может ли это быть действительно Христос-человек, которого Пилат приговорил к бесславной смерти на кресте?» Я не могла согласиться с ним. Это казалось невозможным, что любой человек, какой бы гнусный он ни был, может быть слеп к Божественности, которое так прямо открывалось в Нем.

Затем Спаситель начал говорить, и сладость Его голоса была несравнима с мелодией небесного хора. И его благодатные слова! Разве я могла бы, если бы отважилась, передать их такими, какими они покинули Его уста. На земле нет языка, который мог бы передать их высокий смысл. Сначала Он слегка коснулся земной жизни, и показал, как удивительна взаимосвязь двух жизней - прошлой и настоящей. Затем Он развернул перед нами некоторые ранее неизвестные тайны блаженной жизни, и отметил, как Ему сейчас радостно служить нам.

Когда Он закончил, мы сидели со склоненными головами. Наши сердца были так захвачены, наши души так возвышены, наш дух так вознесен, мы были полностью проникнуты Его Божественностью - настолько, что, когда мы встали, мы оставили места молча и почтительно, каждый уходил с сердцем, наполненным более высокими, более Божественными устремлениями, и с более ясным пониманием блаженной жизни, в которую нам разрешено было вступить.

Я могу лишь слегка коснуться этой небесной радости. Существует глубина, тайна всего, что относится к Божественной жизни, которое я не осмеливаюсь попытаться описать, я не могла бы, даже, если бы хотела, и не хотела бы, если бы и смогла. Святость окутывала все, на что любопытные глаза не должны смотреть. Достаточно сказать, что никакой радости мы не знаем

на земле, кроме редкой, кроме святой, которая, может быть, лишь слабая тень радости, которую мы там найдем; восторженные мечты, неосуществимые здесь, блаженно исполняются в один момент в том небесном мире. Нет печали, нет боли, нет болезни, нет смерти, нет разлуки, никакого разочарования, нет слез, а только радости, нет разбитых надежд; ни неосуществленных планов; ни ночи, ни бури, ни даже тени, но свет и радость, и любовь, и мир и покой вечно и навсегда. «Аминь», и снова мое сердце повторяет «Аминь».

ГЛАВА 11

Иерусалим! Иерусалим!
Твои жемчужные и золотые улицы,
По которым ступают благословенными ногами те,
Кого мы знали и любили прежде.
Их голоса, полные тихой улады,
Проникают сквозь лучистый воздух
Иерусалим! Иерусалим!
Наши сердца с ними там!

По прошествии дней у меня появилось желание часто приходиться к священному озеру, иногда в одиночку, иногда с одним или несколькими из моего семейного круга – с моим уважаемым отцом и драгоценной мамой, дорогим братом и сестрой, и многими возлюбленными друзьями, связанными и несвязанными узами родства. Оно всегда было для меня источником вдохновения и воодушевления. Я никогда не могла достичь достаточной степени привыкания к озеру, чтобы преодолеть первый большой трепет, с которым оно вдохновило меня, но я обнаружила, что, чем чаще я купалась и плавала, и спала в прозрачном потоке, тем сильнее я вырастала в духе и более четко осмысливала тайны мира.

Мое почти ежедневное общение с близкими из нашего семейного круга, с которыми я так долго была разлучена, послужило тому, что я вернулась домой с чувством, которое было наибольшим утешением моей смертной жизни, и я начала понимать, что это была действительно правильная жизнь вместо той жизни испытаний. Я считаю, что это было на следующий день после моего возвращения из моего первого визита на землю, что, как только я начала пересекать газон, расположенный между домом моего отца и нашим собственным, я услышала свое имя, произнесенное любящим голосом. Я повернулась и увидела приближающегося ко мне высокого прекрасного мужчину, чья непокрытая голова была серебристо-белой, и чьи глубокие голубые глаза смотрели на меня счастливо и мягко, когда он приблизился.

- Оливер! – воскликнула я, приветствуя его с протянутыми руками, - дорогой, дорогой Оливер! - Это был муж моей старшей сестры, всегда нежно любимой.

- Я не знал, что ты пришла, еще несколько минут назад, пока отец не рассказал мне. Это восхитительно, что ты здесь; ты мне напоминаешь о старой земной жизни больше, чем кто-либо еще здесь; мы были вместе так долго в течение последних лет моей жизни, - сказал он, тепло пожимая руки, - Куда ты сейчас идешь? Можешь прийти ко мне ненадолго? Всего лишь несколько дней назад я думал, как сильно я хочу, чтобы ты могла быть здесь незадолго перед приходом Лу, ты так хорошо знаешь ее вкусы. И вот ты здесь! Как часто наши невысказанные желания исполняются на небе!

- Моя сестра скоро придет? – спросил я немного позже.

- Не могу с уверенностью сказать, но ты знаешь, годы земной жизни проходят, и ее приход не может быть надолго отсрочен. Можешь ты пойти со мной сейчас?

- С удовольствием, - ответила я, повернувшись, чтобы идти с ним.

- Это недалеко отсюда, - сказал он, - прямо у излучины реки. Лу так любит воду, что я предпочел выбрать место, ближайшее к одному из ваших домов.

- Это поистине очаровательно! – воскликнула я, когда мы приблизились, - я никогда не видела ничего подобного!

- Я хочу, чтобы ты увидела реку из окна ее комнаты, - сказал он - Я знаю, тебе понравится.

Мы вступили в поистине красивый дом, построенный из чистейшего белого гранита, настолько покрытый листвой цветущих деревьев, что лишь с нескольких точек можно было увидеть его проблески.

- Она так сильно любит цветы – разве она не насладится этими деревьями? – спросил он с почти мальчишеским восторгом.

- Еще издали, - ответила я.

Мы прошли несколько восхитительных комнат на нижнем этаже, и, поднявшись по лестнице, которая сама по себе является воплощением мечты о красоте, вошли в комнату, которую он так

хотел показать мне. Я остановилась на пороге, восклицая от восторга, в то время как он с удовольствием наблюдал за выражением моего лица.

- Это самая восхитительная комната, какую я когда-либо видела! – горячо воскликнула я.

Корпус дивана, стулья и стол были чистыми и безупречно жемчужными, обивка и портьеры – темно-золотыми; мягкие ковры и драпировки были повсюду, и через низкие окна, открытые на балкон, обвитый цветами, открывался очаровательный вид на широкую гладкую реку внизу, так, что у меня снова захватило дыхание от восторга. Тысяча тонких оттенков с небес наверху были отражены на спокойной воде, и лодка, плывущая по течению, прекрасно отражалась в матовой зыби. На противоположном берегу сверкающей воды высился великолепный холм с куполами храмов, поддерживаемых колоннами, и игристыми фонтанами, которые виднелись повсюду. Когда я, наконец, повернулась от этого чарующего вида, я вдруг увидела на противоположной стене то же Божественное лицо, которое ежедневно вижу в моей комнате дома.

Мы спустились по лестнице в молчании; единственное, что я смогла произнести:

- Только на небе может быть такое совершенство во всем!

Оливер пожал мою руку с симпатией, и я покинула его без слов.

Много месяцев, согласно земному времени, прошло с того дня, и много раз я посетила тот прекрасный дом и провела сладкое общение с родственником, которого я так сильно любила. Я не могла придумать ничего, что бы еще можно было добавить к той красоте, но мы говорили об этом вместе, и планировали и предвкушали радость ее прихода.

В один день он отсутствовал, и, хотя я долго ждала его возвращения, он не пришел. Я не видела его несколько дней, и пришла к выводу, он был направлен на какое-нибудь задание от Господа. Когда я уже прошла дальше к нашему дому, я встретила группу счастливых девочек и мальчиков, разных возрастов, спешащих по той же дороге, по которой я пришла; их руки были наполнены наикрасивейшими цветами. Когда они приблизились, я увидела среди них внучек и внуков моей дорогой сестры - Стэнли и Марию, и Давида, и Ли, и маленькую Руфь. Как только они увидели меня, все они единодушно начали радостно кричать:

- Бабушка идет! Бабушка идет! Мы взяли цветы, чтобы разбросать их везде! Мы так рады!

- Откуда вы знаете, дети, что она идет? Я только что была в доме – там никого нет!

- Но она идет, - заявил маленький Ли, - Мы получили сообщение от дедушки, и он сказал принести ей.

- Тогда я расскажу другим, и все мы придем и поприветствуем ее, - сказала я.

С большой радостью в сердце я поспешила к дому моего отца. Я нашла их ждущими меня, полными радостной надежды.

- Да, мы тоже знаем, - сказал мой отец, - и ждали только твоего возвращения, чтобы мы могли вместе пойти.

- Тогда я пойду к брату Фрэнку, чтобы он тоже мог сопровождать нас, - сказала я.

- Он здесь! - сказал дружелюбный голос, и, подняв глаза, я увидела его у двери.

- Полковник Спринджер всегда присутствует, когда он необходим, - сказал мой отец радушно.

Так мы собрались хорошей компанией, чтобы приветствовать эту нежно любимую из нашей семьи - мой отец, моя мать, и моя сестра Джуди; мой брат доктор, и две его прекрасные дочери, моя тетя Грей, ее сын Мартин, и его жена и дочь; мой брат Фрэнк и я.

Когда мы подошли к дому, мы услышали звуки радостного голоса, и, осмотревшись, увидели мою сестру, стоящую в комнате, в объятиях ее мужа, и счастливых внуков, толпившихся вокруг них, подобно гудящим птицам среди цветов. Но что это? Может ли это лучистое создание, с ровными бровями и счастливыми глазами, быть бледной, изнуренной женщиной, которую я в последний раз видела, такой согбенной от страданий и горя? Я посмотрела в ее полные жизни глаза. Да, это была моя сестра, но такая, какой она была тридцать лет назад, с цветущим здоровьем на лице, и светом юности в мягких глазах. Я отступила в тень виноградных лоз, уступив другим, пока мое сердце было полно неизведанной торжествующей радости. Этот действительно была «победа над смертью», обещанная нашим воскресшим Господом. Я смотрела на счастливые приветствия, и как она нежно обняла каждого. Когда она поздоровалась и обняла их всех, я увидела, со странной тоской в сердце, что она обернулась и, задумчиво огляделась, потом шепнула моему отцу:

- Разве это не моя сестренка здесь?

Я не могла ждать дольше, но, поспешив к ней, закричала:

- Дорогая, я здесь! Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Она прижала меня к своему сердцу и тепло обняла меня, она осыпала поцелуями все мое лицо, мы и смеялись, и плакали от огромной радости, что она пришла, в конце концов. Ах, какое воссоединение семей внутри стен неба! И как его блаженство усилилось, благодаря уверенности (а не надежды), что не должно быть никаких расставаний для нас отныне и навсегда!

Мой брат Оливер посмотрел гордыми и счастливыми глазами. Час, которого он так желал и ждал, наконец, наступил, его семья теперь будет полной навеки. Я рассказала ему, как я ждала его в тот день, и он сказал:

- Мы видели тебя, как ты вышла из дома, но были слишком далеко, чтобы позвать тебя. Я взял ее к реке, и она смотрела и очень восхищалась домом, прежде чем узнала, что он наш.

- Что она сделала, когда увидела свою прекрасную комнату?

- Закричала, как ребенок, прижалась ко мне и сказала: «Она намного ценнее, чем та, что мы оставили на земле!». Если бы дети не пришли, думаю, она все сидела бы у этого окна! - сказал он, радостно смеясь.

- Я рада, что ты отдал ей всего себя, прежде всего, - прошептала я, - ты заслуживаешь счастья, дорогой; есть ли еще мужчины, которые сделали бы столько же.

Он с благодарностью улыбнулся и посмотрел на свою жену, которая стояла в центре счастливой группы.

- Она не слишком помолодела для тебя, Оливер? - спросила я.

- Годы откатились от нее, как маска, когда мы сидели под водой в реке. Да, действительно, в этих живительных водах «обновляется юность наша», но она стала сразу необыкновенно прекрасной и юной.

- Ее приход принес тебе еще больше молодости, - сказала я, отмечая свежий цвет его лица и сияющие глаза, - но я надеюсь, что он не изменит твои серебряные волосы, потому что для тебя это венец славы.

Он критически посмотрел на меня в этот момент, а затем сказал:

- Я удивлюсь, если ты ясно представляешь себе изменения, которые также приходят к тебе в этом замечательном крае?

- Ко мне? - спросила я, немного поразившись этой мысли, - признаться, я не раз думала о своем приходе сюда. Я понимаю, что, через милость Отца, эта жизнь дала мне духовно, но относительно других сфер, я никогда ни на мгновение не задумывалась.

- Изменения в полной мере также велики в твоем случае, как и с Лу, хотя с тобой изменения происходили более постепенно, сказал он.

Я почувствовала странное волнение от радости, что, когда мой дорогой муж должен прийти ко мне, он найдет меня свежее и милостивее, чем в наши предыдущие годы. Об этом было сладко думать, и мое сердце было полно благодарности к Отцу, благодаря этому еще одному свидетельству Его любящей заботы. Так, мы разговаривали вместе часами, пока мой отец не сказал:

- Придите, дети, мы не должны забывать о том, что моя дорогая дочь нуждается в отдыхе в этот первый день в ее новом доме. Давайте оставим ее и ее счастливого мужа в их вновь обретенном блаженстве.

Поэтому с легким сердцем пошли своим путем, и оставили их провести свои первые часы в небе вместе.

ГЛАВА 12

Свят, свят, свят! Все святые поклоняются Тебе,
Полагая свои золотые короны вокруг стеклянного моря;
Херувимы и серафимы падают пред Тобою,
Так было и есть и будет во веки.

Епископ Хевер

После того, как мы покинули моих родителей и друзей, вернувшись после встречи моей сестры, брат поспешил обратно на некоторые задания, и я ходила в одиночку на священное озеро. Я чувствовала необходимость отдохнуть в его успокаивающих водах после захватывающих сцен, через которые я прошла. Ранее я посещала озеро в ранние утренние часы, теперь же были последние часы полудня небесного дня, но несколько человек задержались на берегу. Лодки, которые быстро скользили по его спокойной поверхности, казалось, были наполнены больше теми, кто просто наслаждался, чем теми, кто решительно плыл с целью исполнить свои обязанности. Я медленно спустилась в воду, и вскоре оказалась, как в прежние времена, в середине течения. Прекрасные призматические лучи, которые с раннего утра были такие

удивительные, сейчас смешались в золотую славу, с различными оттенками розового и фиолетового, проблескивающими через все это великолепие. Для меня это казалось еще красивее, чем цвета радуги, подобно тому, как зрелые радости нашей земной жизни до некоторой степени ярче мимолетных удовольствий юности. Я заинтересовалась, какая же будет вечерняя слава, и решила прийти в раскаленные сумерки, и посмотреть, не напомнят ли они мне о спокойных часах жизни в уходящий день. Я слышала, как куранты серебряного колокола большого города играют мелодию гимна, в то время, как я лежала, и, казалось, явно скандируют: «Святой! Святой! Святой! Господь Бог Вседержитель!». Воды отразили песню, и тысячи волн вокруг меня ответили: «Святой! Святой! Святой!».

Ноты, казалось, вибрировали, если можно использовать это выражение, на волнах, производя удивительно мелодичный эффект. Передние ряды батальона наступающих волн мягко скандировали «Святой», как только они прошли, немедленно вторые ряды волн подхватили слово; как только в первых оно, казалось, утихло, его сразу поддержали вторые в божественном хоре, потом они тоже прошли далее и передали мелодию третьим, и так она принималась и поддерживалась от волны к волне до тех пор, пока, миллионы маленьких волн вокруг меня не приняли ее, неся свою часть в этом великом крещендо, этом замечательном гимне. Нет слов - я не могу даже надеяться на то, чтобы смочь выразить это переживание так, как оно пришло ко мне. Это был велико, замечательно, неотразимо. Я лежала и слушала до тех пор, пока все мое существо не наполнилось божественными мелодиями, и я, казалось, была частью великого хора, а затем я тоже возвысила свой голос и присоединилась всем сердцем к захватывающей песне хвалы.

Я обнаружила, что, в отличие от моих обычных привычек, я быстро плавала вдали от берега, откуда вступила в воду, и через некоторое время осознавала, что я приближаюсь к той части берега озера, которую еще никогда не посещала. Освежившись и обновив силы, я взошла по наклонному берегу реки и оказалась в центре милого пригородного села, похожего на тот, где расположен наш собственный дом. Дома немного отличались по архитектуре и конструкции, хотя были не менее красивы тех. Многие из них были построены из полированного дерева, и некоторые напоминали лучшие дачи в Швейцарии, хотя и значительно превосходили их во всем, что касается художественного вида.

Пока я там бродила, мои глаза наслаждались красивым видом вокруг меня, особенно мне понравился необычайно привлекательный дом. Его широкие веранды почти нависали над водами озера, широкие низкие ступеньки на одной стороне дома спускались к самой кромке воды. Несколько грациозных лебедей неторопливо плыли по течению, и птица, похожая на нашу южную птицу-пересмешника, но с более нежным голосом, пела и качалась на низко свисающих ветвях. Рядом было много более крупных и внушительных вилл, но ничто не захватило меня так, как очарование этого сладкого дома.

Под одним из крупных цветущих деревьев недалеко от этого дачного дома, я увидела сидящую женщину, которая ткала своими нежными руками, по-видимому, без механического приспособления, снежно-белую, как осенняя паутинка, ткань, которая падала в мягкую кудрявую кучу на ее стороне, в качестве готового изделия. Она была так мала ростом, что с первого взгляда мне показалось, что она была ребенком, но, приглядевшись внимательней, я увидела, что она была зрелой женщиной, но все еще с румянцем молодости на гладких щеках. Нечто знакомое - больше в ее жестах, чем во внешнем виде, - дало мне почувствовать, что я не в первый раз ее встречаю, и все больше привыкая к восхитительным сюрпризам, которые встречались мне повсюду в мире восторгов, я подошла к ней, и, прежде чем я смогла заговорить, она посмотрела вверх, и сомнения исчезли.

- Мэгги!

- Г-жа Спринджер, дорогая! - воскликнули мы одновременно; выронив работу из рук, она быстро встала, чтобы меня поприветствовать.

Наши приветствия было теплыми и искренними, и ее привлекательное лицо светилось радушием, что напомнило мне счастливые дни, когда мы встретились, в годы, давно прошедшие, на берегу другого красивейшего озера в мире - в нашей земной жизни.

- Теперь я знаю, почему сегодня я пришла таким путем, - найти тебя, дорогая, - сказала я, когда мы сидели бок о бок и разговаривали, как никогда не говорили на земле, так как ее милая земная застенчивость умчалась прочь в ароматный воздух небес.

- Что это за прекрасная ткань, которую ты сплетаешь? - спросила я, поднимая шелковистую кудрявую паутину.

- Занавески для Нелли в комнату, - сказала она, - Ты знаешь, мы прожили вместе так долго, что я подумала, что хорошо было бы, если бы этот дом был для нас обеих. Так что это наш собственный дачный дом, в двух шагах от дома Марии, - она указала на дом в нескольких метрах от нас, - и я украшаю его, как могу, особенно в ее комнате.

- О, позволь мне помочь тебе, Мэгги дорогая! - сказала я, - Это было бы такой радостью для меня.

Она на мгновение заколебалась, с некоторой застенчивостью со старых земных времен, а затем сказала:

- Это так похоже на тебя, дорогая г-жа Спринджер. У меня на сердце - сделать комнату Нелли полностью самой - это не требует спешки, ты знаешь, но, если ты действительно рада помочь, я попрошу тебя помочь мне в других помещениях.

- И ты научишь меня, как плести такие утонченные занавески?

- Да, конечно. Могу ли я дать тебе первый урок сейчас?

Поднимая тонкую нить, она показала мне, как продевать нитку и вести через мои пальцы, пока она не становилась блестящей тканью. Это была очень легкая и увлекательная работа, и вскоре я ткала почти так же быстро, как она.

- Теперь я могу помочь Кароллу! - радостно подумала я, когда увидела, как мерцающая ткань растет из под моей руки, - Завтра я пойду и покажу ему, как красиво можно украсить занавесками двери и окна.

Так, на небе наша первая мысль - доставить удовольствие другим.

- Ты способная ученица, - сказала Мэгги, счастливо смеясь, - и что за очаровательный час ты мне подарила!

- Что за очаровательный час ты подарила мне, дорогая! - ответила я.

Когда мы расстались, каждая из нас понимала, что через некоторое время я снова приду. Когда я пригласила ее аналогичным образом прийти ко мне, старая застенчивость снова проявилась, когда она сказала:

- Ах, все они незнакомы мне, и здесь мы должны быть только одни. Ты приди ко мне.

Так я поняла, что на небе мы не стремимся получить неохотное согласие на какие-либо удовольствия, и много счастливых часов провела с ней в коттедже на берегу озера.

ГЛАВА 13

- Я беру этих малых ягнят, - сказал Он

И кладу их к Моей груди;

Во мне они найдут полную защиту,

Во мне будут всегда блаженны.

Самуэль Стеннетт

На одной из моих прогулок в то время, я случайно увидела сцену, которая принесла мне понимание того, что Майя сказала о любви Спасителя к маленьким детям. Я нашла Его сидящим под одним из цветущих деревьев на берегу озера, около десятка детей всех возрастов сгруппировались вокруг него. Одна нежная малютка, не старше годовалого возраста, уютно устроилась в Его руках, доверчиво положив солнечную головку на Его грудь, ее крошечные ручки были наполнены красивыми водными лилиями, что плавали повсюду на водах. Она была слишком молода, чтобы осознать, насколько велика была ее привилегия, однако, казалось, испытывала величайшее наслаждение Его заботой. Другие сидели у Его ног или прислонились к Его коленям, и один милый парнишка с серьезными глазами стоял, опираясь на Его плечо, в то время как правая рука Господа обняла его. Глаза всех были устремлены на Иисуса, и каждый ребенок был готов поймать каждое слово, сказанное Им. Он, казалось, сообщал им некоторые очень увлекательные истории, адаптированные к их детским вкусам и возможностям. Я села на газон среди группы людей, немного вдали от детей, и попыталась узнать, что Он говорил, но мы были слишком далеко, чтобы услышать больше, чем предложение, а, потом, в небе никто никогда не вторгается в привилегии и удовольствия других. Таким образом, мы просто наслаждались улыбками, и нетерпеливыми вопросами, и возгласами детей, и из разрозненных предложений, которые донеслись до нас, собрали общее представление о смысле рассказа.

- Маленький ребенок потерялся в темном лесу в нижнем мире, - услышали мы рассказ Господа в ответ на любознательные взгляды заинтересованных детей, - Позже пришли львы и медведи.

- А где был его папа? - спросил встревоженный голос.

Мы не смогли услышать ответ, но скоро парнишка, опиравшийся о колено Спасителя, уверенно сказал:

- Здесь нет львов и медведей!

- Нет, - ответил Он, - ничего, что навредило бы или испугало бы Моих маленьких детей здесь.

По мере того, как углублялся и возрастал интерес к рассказу, дети все больше теснились вокруг Господа; Он повернулся со сладкой улыбкой, и мы могли видеть увеличение давления окружающих рук – маленький паренек с серьезными глазами, который опирался на Его плечо, сказал:

- Что, Лэсли, ты бы тогда сделал?

С ярким светом в глазах его и румянцем на вспыхнувших щеках, ребенок ответил быстро и решительно:

- Я бы молился Тебе и просил Тебя «закрыть пасть львам», как Даниил, и Ты бы сделал это!

-Ах, подумала я, - Если бы С. и Н увидели взгляд возлюбленного Господа, брошенный на их мальчика, когда он дал свой мужественный ответ, они бы были утешены даже в случае его отсутствия.

Погруженная в эти мысли, я не услышала, что было дальше, до тех пор, пока восторженный крик малышей не провозгласил, как хорошо закончилась история, и, взглянув вверх, я увидела Спасителя, следующего далее, все еще с малышкой в руках, и детей, бросившихся за Ним.

«Таковых есть Царство Небесное». Как хорошо Он понимает! Как сильно Он любит их!

Я тоже встала и отправилась домой. Я недалеко ушла, прежде чем встретила с братом Фрэнком, который поприветствовал меня:

- Я иду в город на берегу озера; составишь мне компанию?

- Уже давно я хотела посетить город. Только ждала до тех пор, пока ты в своей мудрости не определишь мне идти, - ответила я.

- Ты так быстро растешь в познании о небесных путях, - сказал он, - что я думаю, что могу рискнуть взять тебя со мной сейчас почти в любое место. Ты приобретаешь знания потому, что очень любишь их; а не потому, что считаешь, это твой долг знать то, что мы должны выучить. Ты сама желаешь собрать всю истину, и в то же самое время ты подчиняешься с должным смирением, ожидая время, когда, я знаю, искушение велико, получая в свой адрес много похвал и любовь нашего дорогого Господа, который смотрит, горячо ожидая прогресса всех нас в божественной жизни. Я думаю, что это только правильно, что ты будешь знать это, нам нужна поддержка здесь, также как и в земной жизни, хотя и в другой форме. Я говорю тебе это с Божьего разрешения. Думаю, это не будет долго, прежде чем Он доверит тебе служение, но это уже я говорю от себя, а не с Его слов.

Не могу передать на земном языке впечатления от этих слов признательности. Они были настолько неожиданными, так непредвиденными. Я, как сказал мой брат, начала с нетерпением собирать знания, с неподдельной любовью изучая все вещи, относящиеся к блаженной жизни, без мысли, что я каким-нибудь образом заслуживаю похвалу за это; а теперь я получила одобрение от Самого Господа! Счастье оказалось большим, чем я могла снести.

- Мой брат, дорогой брат! - было все, что я могла сказать, в своей глубокой радости, внезапно остановившись и смотря на его лицо с признательными слезами.

- Я так рад за тебя, сестренка! - сказал он, тепло пожимая мою руку, - Есть, как видишь, награды на небесах; рад, что ты несознательно выиграла одну из них так скоро.

Я бы хотела записать каждое драгоценное слово мудрости, которое вышло из его уст, и хотела бы поминутно расписать события той замечательной жизни, как она разворачивалась передо мной день ото дня, но я могу лишь сказать: «Я не в состоянии». Когда я предприняла сделать запись об этом незабываемом времени, я не знала, что мне придется столкнуться с серьезными трудностями, как часто мне приходилось остановиться и задуматься, действительно ли я могу выявить эту истину или обрисовать сцену так, как они представлены мне. Само сердце часто остается вне некоторых замечательных сцен, которые я пыталась описать, потому что я обнаружила, что не смею раскрыть его священные тайны. Мне действительно больно, что в описательной части я даю бесконечно меньше, чем надеялась сделать это, когда начинала. Но это не фантазии, но настоящая жизнь за ее пределами, как это было явлено мне, когда вознесшийся дух восторжествовал над истощенной плотью, подчинил ее через страдания.

Брат и я шли медленно по берегу озера, где мы шагнули в лодку, лежащую рядом на берегу, и были сразу же доставлены к дальнему берегу озера, где причалили к мраморной террасе при въезде в город. Я никогда не знала, посредством какой силы передвигались эти лодки. Не было ни гребцов, ни двигателя, ни паруса на той, на которой мы пересекли воды, но она плыла неуклонно до места назначения, где мы благополучно высадились. пышные подушки-сиденья

были повсюду, и на одной из них положен музыкальный инструмент, что-то вроде скрипки, но на нем, похоже, должны играть только пальцами. На другом месте были сложены книги. Я выбрала одну и открыла, она, казалось, была продолжением той книги, которая воодушевила и взволновала миллионы сердец в земной жизни «Главная Вещь в Мире». Когда я просмотрела ее, пока мы плыли, я осознала истину, что этот великий ум уже осознал могучие понятия вечности и учел бессмертие, даже когда он был в той смертной жизни в прошлом.

Я очнулась от моих мыслей, когда лодка коснулась мраморной террасы, и увидела, что брат уже стоял, ожидая помочь мне выйти на берег. Взойдя наверх по незначительному подъему, мы оказались на широкой улице, которая вела в центр города. Улицы все были очень широкие и гладкие, а также выложены мрамором и драгоценными камнями каждого вида. Хотя они были заполнены людьми, стремящихся по различным делам, но не было ни соринки, ни даже пылинки. Там были обширные деловые дома многих видов, но я ничего не видела, напоминающих наши крупные торговые заведения. Были много колледжей и школ; много книжных и музыкальных магазинов и издательских домов, несколько крупных мануфактур, на которых пряли красивые шелковые нити многообразных цветов, которые так широко использовались в тканях портьер, как я уже упоминала. Были картинные галереи и библиотеки, и многие лекционные залы и обширные аудитории. Но я не видела церкви какого-либо рода. Сначала эта несколько смущало меня, пока я не вспомнила, что на небе нет деноминаций, но все богослужения проводились вместе в гармонии и любви детей одного и того же любящего Отца. «Ах, - подумала я, - Как жаль, что одно большое небесное домостроительство не может быть объявлено среди жителей земли! Как это было бы хорошо - покончить с мелкими конфессиями, завистью и соперничеством в Церкви воинствующей! Нет деноминаций на небе! Нет враждующих доктрин! Нет обвинений в ереси одних христиан против других! Нет созданий одних деноминаций на руинах или падении других! Но одно большое всеобщее братство, где глава Христос, и краеугольный камень - любовь». Я думала о том дне, когда мы слушали в большом зале дома Божественное выступление нашего любимого Господа; о склоненных головах и возвышенных голосах этого обширного множества, когда каждый голос присоединился к славному гимну «Коронуйте Его - Господа всех!», и я могла бы заплакать, думая о лицах, которые должны когда-нибудь склониться в стыде, когда они вспомнят, как часто они в земной жизни говорили брату христианину: «встань в стороне; я более святой, чем ты!».

Мы не нашли жилых домов нигде в центре города, пока не пришли к пригородам. Здесь они стояли в большом великолепии и величии. Радовало то, что при каждом доме был большой двор, полный деревьев и цветов и приятных дорожек, по сути, это было повсюду за деловым центром города, как один огромный парк с прекрасными домами. Было много того, что очаровало, многое удивило меня в этом великом городе, что я, возможно, не в полной мере смогу описать, но никогда не смогу забыть. Мы обнаружили в одном месте очень большой парк, с дорожками и фонтанами, миниатюрными озерами и затененными местами, но без жилищ или зданий любого типа, за исключением огромного кругового открытого храма, со многими сотнями сидений; и где, как сказал мне брат, хор серафимов собирался ежедневно в определенное время и выносил оратории, написанные великими музыкальными композиторами земли и неба. Он уже отошел, и люди, которым нравится его божественная музыка, все еще не хотят покинуть это место, так освященное.

- Мы запомним этот час, - сказал брат, - и придем еще раз, когда сможем послушать их.

ГЛАВА 14

Не все архангелы могут пересказать
Радости того святого места,
Где Отец с радостью открывает
Свет своего небесного лица.
Чарльз Уэсли.

«И наполнился храм дымом от славы Божьей и от силы Его» - Откр.15:8.

Все еще проходя через парк, мы вышли на открытую местность, и шли некоторое время цветочными лугами и волнистыми равнинами. Наконец, мы вошли в обширный лес, где огромные деревья возвышались над нами, подобно качающимся великанам. День был почти закончен - день, полный радости и приятных сюрпризов, и счастливых часов! Он был наполнен, но я чувствовала, что-то еще оставлено для меня, глубоко спрятанное в сумеречной долине дня; что-то, что держало мою душу в трепете, как последние моменты предстоящих Святых Таинств.

Мой брат шел со мной, погружившись в мысли, но он был даже более мягок, чем обычно. Я не спрашивала, куда мы идем в этот необычный час, так далеко от дома, Страхи, сомнения и вопросы нисколько не досаждали моей душе. Несмотря на то, что лес был густой, золотое

сияние сумерек было под деревьями, а также просеивалось вниз через дрожащие ветви над головой, подобно тому, как падает свет через окна некоторых больших кафедральных соборов. Наконец, мы вышли из леса на обширную равнину, которая растянулась в необозримое пространство перед нами, и вдаль мы слабо слышали шум волн бессмертного моря, о котором я слышала так много, но еще не видела. Но за их слабыми и отдаленными раскатами молчание вокруг нас было напряженным. Мы остановились на минуту у кромки леса; потом, когда мы продвинулись на несколько шагов по равнине, я осознала, что сразу же справа от нас земля закрывается возвышенностью; и, когда я повернулась, мои глаза увидели зрелище, которое вечные годы земли и неба никогда не могут стереть. На вершине этого мягкого склона стоял храм, чей обширный купол, массивные колонны и твердые стены были из незапятнанного жемчуга, и сквозь большие окна которого светилось белое сиянье, которое поглотило золотое свечение сумерек и затмило его своим собственным. Я не воскликнула, не спрятала лицо, как при прежних открытиях, но я медленно упала на колени, и, скрестив руки на груди, с поднятым лицом, успокоенным сердцем и безмолвными устами, положила все мое существо в поклонении у ног Того, «Который восседает на троне». Как долго я преклоняла колени таким образом, я не знаю. Даже бессмертной жизни, казалось, не хватит для этого величайшего небесного таинства. Наконец, брат, который в безмолвии был на коленях рядом со мной, встал и, поднимая меня на ноги, нежно шепнул:
- Пойдем.

Я больше чувствовала, чем видела, что его лицо было бледно от глубины его эмоций, и я последовала его совету в молчании. Длинный лестничный пролет с низкими широкими ступенями постепенно увеличился от места, где мы стояли, до самого входа в храм. Ступени тоже были из твердого жемчуга, окаймленного с обеих сторон каналами, вымощенными золотыми камнями, через которые текли кристальные воды, встречающиеся и смешивающиеся в один поток далеко на равнине. Поднявшись по ступенькам, мы вошли в Храм, и на минуту остановились в молчании. Я не знаю, как это было, но в этот момент, - это, может быть, был и больший отрезок времени, чем я знала, - каждая деталь того удивительного интерьера была закреплена в моей памяти, как сцена, которую сфотографировали. Прежде приходилось неоднократно посещать комнату, чтобы потом правильно описать ее в деталях, но эта, как вспышка молнии, запечатлелась в моей памяти - неизгладимо на все время, нет - на вечность.

Огромный купол, в тот момент закрытый светящимися облаками, поддерживался тремя рядами массивных столбов из золота. Стены и полы были из жемчуга, также как и большая платформа, которая занимала, по меньшей мере, одну треть Храма на восточной стороне. Не было никаких сидений. Большие золотые колонны стояли, подобно стражам, на блестящем полу. Золотые перила обегали вокруг платформы со всех трех сторон, так, что она была недоступной частью храма. Под этими перилами, на полу Храма, платформу окружали ступени, также из жемчуга. В центре платформы был огромный престол из золота, поддерживаемый золотыми серафимами с распростертыми крыльями, по одному на каждом углу; а под ним, в большом жемчужном бассейне, играл фонтан искрящейся воды, и я интуитивно знала, что это был источник чудесной реки, которая текла через сады неба и вымывала из нас последние пятна смерти и греха.

Никого из жителей, кроме нас самих, не было в храме; только мы двое преклонили колени и склонили головы рядом с оградой престола на дальней стороне; но у престола стояли четыре ангела, по одному на каждой стороне, одетые в длинные белые одежды, с длинными тонкими трубами из золота в поднятых руках, как будто в ожидании сигнала для их трубного зова. Длинные портьеры из серебристой тонкой ткани свисали тяжелыми складками позади престола у платформы. Внезапно, в тот момент, как мы рассматривали, мы увидели, что портьеры задрожали и накалились до сияния, намного превосходящее блеск полуденного солнца, и весь храм был «наполнен славой Господней». Мы увидели, в центре светящихся облаков, которые заполнили купол, формы ангелов-арфистов, которые, как и мы, поклонились у ограды престола и призвали нас обратиться к «яркости его прихода», мы услышали трубный зов от четырех ангелов около престола, и голос небесных арфистов, когда они запели:

«Свят, Свят, Свят, Господь Бог Всемогущий!
Все твое творение должно хвалить имя Твое, на земле, и небе, и на море.
Свят, Свят, Милосердный и Могучий,
Бог в трех лицах - Пресвятой Троицы. Аминь!»

Голос тихо угас; последние ноты золотой трубы отзвучали, «и сделалось безмолвие на небе». Мы знали, что была явлена слава Господа, в храме, в котором Его трон; мы еще стояли на коленях со склоненными головами, в тихом преклонении перед Ним. Когда мы, наконец, встали, я не поднимала глаз, пока мы были внутри Храма, я просила, чтобы это осталось в моей памяти так, как она явилась, как все наполнилось Его славой.

Мы ходили некоторое время в молчании, я опиралась на руку брата, так как все еще тряслась от волнения. Я была удивлена тем, что мы не вернулись в лес, но пошли еще дальше по

равнине. Но когда я увидела, что мы подошли к слиянию двух потоков, которые выходили от источника под алтарем, я начала понимать, что мы хотели вернуться к пути по реке, а не вдоль лесов и озер.

Наконец, мы достигли потока, и, шагнув в лодку, которая лежала на берегу, мы скоро приплыли по течению к дому. Мы прошли через много красивых пейзажей на нашем пути, которые я не видела раньше, и которые решила посетить в будущем, когда будет время, свободное от ежедневных служений. Красивые виллы, окруженные прекрасными садами, протянутыми прямо от кромки воды, располагались на обеих сторонах реки, и образовали панораму, на которую глаза никогда не устают смотреть. Ближе к концу пути мы прошли к прекрасному дому моей сестры, и мы могли ясно увидеть ее и ее мужа, смотрящими друг на друга восторженными глазами, из окна ее собственной комнаты.

Мы оба с братом были в молчании большую часть времени в течение нашего пути домой, хотя каждый наблюдал внимательными глазами признаки счастливой семейной жизни, которыми мы были окружены со всех сторон. Веранды и ступеньки домов, мимо которых мы проследовали, были полны их счастливыми жильцами; часто можно было услышать радостные голоса, и веселые крики смеха из толпы маленьких детей, играющих на всех цветочных газонах. Как-то раз я нарушила наше молчание, сказав брату:

- Я уже не раз была приятно удивлена, услышав знакомые земные песни, воспроизведенные на небе, но сегодня особенно. Этот гимн уже давно был моим любимейшим.
- Этот счастливый сюрприз не был случайным, - ответил он, - Одна из радостей этой редкой жизни заключается в том, что не бывает такого, чтобы навсегда были вычеркнуты из памяти чистые наслаждения нашей земной жизни. Это удовольствие для Отца - дать нам осознать, что эта жизнь - продолжение прежней жизни, только без ее несовершенства и забот!
- Фрэнк, я считаю, ты только один из наших друзей здесь, который никогда не задает мне вопросов по поводу близких, оставшихся в земной жизни; почему?

Он улыбнулся особенно счастливой улыбкой и ответил:

- Возможно, это потому, что я уже знаю больше, чем ты могла бы сказать мне.
- Я бы удивилась, если б это было не так, - сказала я, хорошо помня, как мой дорогой отец сказал о моем брате в первый день моего прихода, что он стоит очень близко к Господу, и я знала, как часто он был направлен на миссии в мире ниже.

Я легла на мой диван, по возвращении, с сердцем, переполненным радостью и благодарностью, и любовью, за силу слова, и мне показалась нежность в Божественных глазах, которые смотрели на меня со стены глубже, чище, более свято, чем когда-либо прежде.

- Я хочу достичь уровня совершенства, установленного для меня Спасителем, - я упала со сложенными руками, поднятыми к Нему, - даже, если это займет всю мою жизнь на небесах, и понадобится вся помощь всех ангелов, - и с этими словами на моих губах, и Его глазами, мягко смотрящими на меня, я затонула в блаженном небесном сне.

ГЛАВА 15

Я знаю, кто любил, ушли раньше,
И радостно сладка будет встреча.
Когда через реку, мирную реку,
Ангел Смерти понесет меня.
Нэнси А. В. Священник

Так много произошло, и так быстро, с самого часа моего входа в красивые ворота, что невозможно для меня все это описать. Мне удалось лишь отбирать здесь и там случаи, которые происходили с каждым днем, и при такой ситуации многие вещи, которые я с удовольствием бы привела, были невольно упущены. Из многих дорогих друзей, с которыми я встречалась, лишь очень немногие были упомянуты, по той причине, что подобные встречи являются аналогичными тем во многих отношениях, так что постоянное повторение, в подробностях, стало бы изнурительным. Я была нацелена, главным образом, на такие эпизоды, которые свидетельствуют о прекрасной семейной жизни в том счастливом мире, которые показывают благоговение и любовь, испытываемые всеми сердцами к Пресвятой Троице за всякий добрый и совершенный дар, и показать непостижимую силу Христовой любви, даже в жизни после смерти.

Этот мир, незнакомый и новый для меня, привел множество тех, кого я любила в прошлом, и едва ли был час, который бы не возобновил отношения, которые однажды были разорваны в смертной жизни. Помню, как-то в один день я шла в окрестностях дома госпожи Уикхэм, вскоре после моего первого памятного визита там, мое внимание привлек скромный, но очень красивый дом, почти скрытый пышным разросшимся виноградом, сливочно-белые цветы

которого не сравнимы ни с какими розами, которые я видела на земле или небе. Встретившись с г-жой Уикхэм, я указала на дом и спросила:

- Кто там живет?

- Полагаю, ты можешь пойти и увидеть,- сказала она.

- Я кого-нибудь из них знаю? - спросила я.

- Думаю, да. Смотри, кто-то даже сейчас в двери, как будто ожидает тебя.

Я пересекла белоснежную дорожку и цветочный газон - к дому, который стоял в углу, образованный двумя путями пересечения, почти напротив дома г-жи Уикхэм и, прежде чем я смогла подняться по ступенькам, я очутилась в объятиях двух любящих рук.

- Ребекка Спринджер! Я была уверена, что это ты, когда увидела, как ты идешь к г-же Уикхэм день или два назад. Не она ли сказала тебе, что я здесь?

- Она не имела возможности до сего дня, - сказала я, - Но дорогая тетя Энн, я должна была вскоре найти тебя, и я уверена, что ты знаешь это.

- Да, я уверена, что ты хотела этого.

Затем я рассказала ей о моем визите к г-же Уикхэм в тот богатый событиями день. Она слушала, ее дорогое лицо было полно симпатии, а затем сказала:

- Дорогая, можешь больше ничего мне не говорить. Думаешь, я не знаю? Когда Господь приходит порадовать мои глаза, у меня потом нет других мыслей и забот, в течение многих дней! Ах, какую радость и покой приносит знание того, что я в безопасности в этом благословенном убежище! Как далеко это за пределами всех наших земных мечтаний об этой божественной жизни!

Она сидела, на миг задумавшись, потом мечтательно сказала:

- Теперь, расскажи мне о моих детях, они идут?

Я порадовала ее сердце всеми одобрительными новостями, какие смогла довести об ее близких, и так мы говорили много часов, вспоминая множество сладких моментов земной жизни, друзей, и домашние и семейные связи, и надежды на будущий приход к нам тех, кого даже небесные радости не могут изгнать из наших сердец.

Затем еще в другой вечер, когда наступили мягкие сумерки, и многие из наших близких были собраны у нас в большой «комнате цветов», мы услышали шаги на веранде, и, когда мой брат подошел открыть дверь, нежный голос спросил:

- Г-жа Спринджер действительно здесь?

- Она действительно здесь. Проходи и сама убедишься, - И прекрасная Мария Грин вошла в комнату.

- Я так рада приветствовать тебя дома! - сказала она, подходя ко мне с распростертыми руками и смотря на меня мягкими искренними глазами.

- Моя милая! - воскликнула я, прижав ее к моему сердцу в теплых объятиях, - Я спрашивала о тебе и давно хотела увидеть.

- Я едва дождалась, чтобы прийти сюда, когда узнала, что ты здесь. Теперь, расскажи мне все-все! - сказала она, как только я усадила ее рядом с собой. Но вопросы и ответы слишком личны для воспроизведения здесь. Каждый из нашего дорогого семейного круга был обсужден; она рассказала мне многие происшествия, что случились в ее присутствии, когда ее мать и я были вместе; и говорили о дорогом ребенке, который находился далеко от нас.

- Я часто была так близко, что могла бы дотронуться до тебя рукой, если бы мне была дана власть, - сказала она.

После долгих откровенных бесед между нами я взяла ее в библиотеку, куда остальные ушли посмотреть новую книгу, которую я в тот день получила. Я представила ее им как дочь дорогих друзей, которые все еще на земле, уверенная, что она будет радушно принята. Моя младшая сестра и она сразу же заинтересовались друг другом, найдя сходство во многих своих ежедневных занятиях, и я с радостью предположила, что отныне они будут часто видеться.

Там нет измерения времени, как мы измеряем его здесь, хотя многие еще говорили на стародавнем языке: «месяцы», «дни» и «годы». У меня нет никаких способов описать так, как я видела это тогда. Были периоды и выделенное время; были часы счастливых обязанностей, часы для радостных удовольствий, и часы для святой хвалы. Знаю только, что все это было в гармонии, в радости, в мире, во все времена и во всех условиях.

ГЛАВА 16

«Существует притягательная нежность в любви матери к сыну, которая превышает все остальные сердечные привязанности. Она никогда не будет охлаждена от эгоизма, не устрасится опасности, и не ослабеет от беспомощности, не будет подавлена неблагодарностью. Она пожертвует всеми удобствами для его комфорта; она откажется от

любых удовольствий ради его наслаждений; она будет прославлять его известность, и ликовать в его процветании, а в случае несчастья наверстает упущенное им. Он будет дороже ей в несчастье; и если позор покроет его имя, она будет по-прежнему любить и ценить его; и если весь мир откажется от него, она станет всем для него».

Вашингтон Ирвинг

Поток моей жизни тек небесными путями, до тех пор, пока месяцы не перешли в годы, и мои ежедневные занятия поднялись выше в шкале небесных тайн. Я никогда не уставала от изучения, хотя многому была научена посредством наблюдений в путешествиях, в которые была взята братом в разные части небесного царства. Я никогда не испытывала недостатка времени для общих удовольствий и наслаждений, ибо нет противоречия между обязанностями и стремлениями, нет невыполненных желаний, не напрасно стремление к недостижимому в этой жизни, как и в жизни на земле. Многие драгоценные часы общения были потрачены в моем дорогом отцовском доме, а иногда в редких случаях мне было разрешено сопровождать его в сфере труда и помогать ему в обучении тех, кто позже пришел в новую жизнь с небольшой подготовкой или вообще неподготовленным к своим служениям и обязанностям.

Как-то раз он сказал мне:

- Сейчас передо мной самая сложная задача для решения, с которой я еще не встречался в этой работе. Она заключается в том, чтобы просветить и помочь человеку, который неожиданно погрузился с очевидно почетной жизни в очень низкое злодеяние. Я никогда не мог добиться того, чтобы он пошел со мной к реке, где это земная паутина, охватившая его бедный мозг, вымылась бы; его отговорка всегда состоит в том, что Божья милость настолько велика, что позволила ему остаться с внутренней стороны небесных ворот на все время, что он остается в прежнем состоянии всегда на самом низком уровне жизни. Ни один аргумент или обучение до сих пор не могут заставить его изменить свое решение. Он сбился с пути, страстно увлекшись чужой женщиной, и убил свою пожилую мать для того, чтобы обеспечить ее драгоценностями эту мерзкую тварь. Он был казнен за это преступление, в котором, в конце концов, чистосердечно раскаялся, но он ушел из жизни с ужасом от соделанного, который вцепился в его душу.

- Он видел свою мать, с тех пор, как пришел сюда? Она знает о его прибытии?

- Нет; она совершенно одинока в этом мире, и это было бы не предусмотрительно сообщить ей о его прибытии до тех пор, пока его душа не придет в лучшее состояние, чтобы принять ее. Он был единственным ребенком, и не был лишен утонченного воспитания, но он полностью находился под контролем этой отвратительной, хотя и очаровательной женщины. Он говорил, что она подсыпала наркотик в его вино, и что они возбудили его сделать страшное дело, пока он был под их влиянием, потому что она ненавидела его мать, чье влияние было против нее. Когда он очнулся от воздействия вина, то пришел в ужас от того, что он сделал, и его увлечение женщиной превратилась в ненависть, но, увы, слишком поздно! Он не видел ее в течение всего своего заключения в тюрьме.

- Как долго он был в тюрьме?

- Почти год.

- Он видел Христа?

- Нет, он умоляет, чтобы не видеть Его. Он очень раскаивается и благодарен, что был спасен от гнева, от заслуженного наказания, но, хотя он сознает, что его грех прощен, он все еще не считает, что он может постоянно стоять в присутствии Святаго. И здесь, как на земле, каждый должен быть готов принять его. Его присутствие никогда не было нежелательным. Я еще не обратился за более высокой помощью, моя цель заключается в том, чтобы привести эти слабые души вверх через силу, возложенную на меня. Можешь ли ты предложить что-либо, что, вероятно, достигнет его?

- Его мать. Позволь мне привести ее?

Он на мгновение задумался, потом сказал:

- Женская интуиция. Да, приведи ее.

Вскоре я уже была на пути. Я нашла ту бедную женщину, аккуратно изложила перед ней факты, и ждала ее решения. Без малейших колебаний, она сразу же сказала:

- Мой бедный мальчик! Конечно, я пойду с тобой тот час же.

Мы увидели, что мой отец ждет нас, и немедленно пошли в большой «дом», где остановились эти «студенты» - как их еще назвать? Это было красивое большое здание в середине парка с затененными аллеями и фонтанами и цветами, которые были повсюду. Одно только освобождение от земли казалось поистине раем, но для тех из нас, кто вкусил небесные редкие радости, что еще было желать. Мы пропустили милые индивидуальные дома, маленьких деток,

играющих на газонах, музыку ангельских хоров, все было обыденно по сравнению с окружающими нас наслаждениями, которые мы вкусили. Мы увидели молодого человека, который сидел под одним из цветущих деревьев и целенаправленно изучал книгу, оставленную ему моим отцом. Выражение его бледного лица было мирным, но оно скорее выражало терпеливое смирение, чем горячую радость. Бедная мама подошла к нему одна; мой отец и я остались на заднем плане. Через некоторое время он взглянул вверх и увидел свою маму, стоящую рядом с ним и смотрящую на него. Его лицо приняло пораженный вид, и он поднялся на ноги. Она протянула к нему руки и трогательно воскликнула:

- Джон, мой милый мальчик, приди ко мне домой - я нуждаюсь в тебе! - вот и все, что она сказала.

С низкой гортанным криком он преклонил колени у ее ног и обнял ее колени, рыдая:

- Мама! Мама!

Она наклонилась и обняла его, мягко положила его склоненную голову к своей груди и осыпала поцелуями. Ах, теплая материнская любовь, она та же самая на земле и на небе! Только Христова любовь может превысить ее. Здесь был тот, кто совершил злостное преступление против матери, отправил ее в вечность своими руками, кто должен был защищать и поддерживать ее, склонившуюся над своим кающимся сыном с материнской любовью, переполнившую ее сердце, и смотрящую на него сияющими нежными глазами. Я увидела своего отца, отвернувшегося, чтобы скрыть свои эмоции, и знала, что мои собственные глаза были мокрые. Мой отец объяснил матери, что первая вещь, которую нужно было сделать, - привести ее сына в реку. После этого мы услышали, как она заботливо сказала:

- Пойдем, Джон, мой мальчик, сделай первый шаг в возрастании, ради твоей матери, чтобы со временем я могла иметь радость видеть тебя в нашем собственном доме. Пойдем, Джон, с мамой.

Она осторожно повлекла его, и, к нашей великой радости, мы увидели, что он встал и пошел с ней, и их тропа вела их к реке. Они шли рука об руку, и, насколько мы могли видеть их, она, казалось, успокаивала и утешала его.

- Слава Богу! - горячо сказал отец, - Теперь не будет проблем. Когда они возвратятся, он увидит четкое видение.

И так оно и оказалось.

После этого, с Божьего разрешения, я стала много время сотрудничать с отцом, и, таким образом, наслаждалась его обществом и его инструкциями гораздо чаще, чем могло бы быть.

ГЛАВА 17

«Когда-нибудь», - мы говорим, и обращаем наши глаза

К прекрасным возвышенностям рая;

Когда-нибудь, настанет время, сладкий новый покой

Расцветет, подобно цветку, в каждом сердце.

Когда-нибудь, настанет время, наши глаза увидят

Лица, хранящиеся в памяти:

Когда-нибудь они крепко сожмут наши руки,

В утренней стране.

О, утренняя страна! О, утренняя страна!

Эдвард Р. Фелпс

Однажды вечером, около трех лет, считая по земному календарю - после того, как я вошла в радости и обязанности небесной жизни, я сидела, отдыхая на верхней веранде нашего дома, после довольно трудного пути к далекому городу небесного царства. В этой части веранды пробивались редкие проблески реки сквозь нависшие ветви деревьев, и чуть ниже нас, на небольшом расстоянии, мы могли видеть счастливых детей, играющих на лужайке. Здесь мой брат разыскал меня, и пристроился рядом в мягком шезлонге на веранде; он лежал какое-то время в состоянии покоя и молчал. Он выглядел таким утомленным, насколько это возможно даже в той жизни, но я не чувствовала беспокойство о нем, потому что знала, что отдых его восстановит. Он отсутствовал в связи поручениями на земле большую часть времени в течение многих дней, и я знала, по опыту, что некоторые усталость и заботы о земле будут цепляться за него в таких случаях, пока мы не восстановимся небесным целительным воздухом и живой водой. Он не сказал мне, как он иногда делал, куда его миссия привела его, и я не спросила, чувствуя уверенность, что все равно потом узнаю. Мои обязанности, ведущие меня ежедневно в дальние части небесного царства, были в последнее время необычайно ответственными, и поэтому я не посещала любимой земли гораздо более длительный период,

чем обычно между моими визитами. Когда в последний раз я их видела, все близкие казались такими энергичными и здоровыми, так окружены земными благами, что я перестала чувствовать, что они нуждаются в моих служениях, как в первые дни их печали, поэтому я бросила все свои силы на работу, назначенную мне Господом.

Наконец, спустя некоторое время отдыха, мой брат занял сидячее положение, и минуту смотрев на меня в молчании, мягко сказал:

- У меня есть новости для тебя, сестренка.

Волнение, как электрический ток, прошло через меня, и я сразу же радостно закричала:

- Он идет!

Он кивнул головой, с понимающей улыбкой, но не сразу ответил.

- Когда это будет? Могу ли я пойти к нему? - спросила я.

Он колебался мгновение, прежде чем сказать:

- Конечно, ты можешь идти, если твое сердце не против.

- Ах, я должна идти к нему! Я должна быть первой, кто встретит его! Возможно, это может быть предоставлено ему встретиться со мной, даже в то время как он во плоти.

На это он печально покачал головой и сказал:

- Нет, дорогая, он не узнает тебя.

- Почему? Фрэнк, расскажи мне все, и почему ты считаешь, как я ясно вижу, что это не лучший выход, если я пойду.

- Он был поражен внезапно в самый разгар его работы, в то время, как по всей видимости, был в полном здравье, и до сих пор не пришел в сознание, и неизвестно, придет ли. Следовательно, твое присутствие ничем не поможет ему.

- Когда это случилось?

- Три дня назад; с тех пор я был с ним почти постоянно в дневное и ночное время.

- Ох, почему ты не сказал мне раньше?

- Было сочтено целесообразным избавить тебя от излишней боли при виде его страданий, когда ты не могла послужить ему, и я пришел сообщить тебе, что теперь ты можешь идти, если у тебя по-прежнему есть такое желание.

- Он узнает меня, как только борьба за жизнь закончится?

- Да, но он будет недоуменным и слабым; он будет нуждаться в усиленной помощи и руководстве, которые только ты одна можешь дать, и тебе не хватит восторга от встречи, когда это произойдет немного позже.

- Что бы ты посоветовал мне делать? Ты знаешь, я уступлю твоим мудрым решениям, даже против просьб моего сердца. Но я могу ждать!

- Я не скажу «не ходи». Ты должна сопровождать меня, если желаешь. Только думаю, что после первого замешательства от изменений, которые последуют, после того, как он искупается в водах Реки Жизни, он будет лучше подготовлен для восхитительной встречи, которая ждет его. Ты помнишь, что воды сделали для тебя, и какая смущенная и угнетенная в духе ты была до тех пор, пока не пошла со мной в то утро в реку. То же самое со всеми нами, лишь там, где были серьезные проблемы с мозгом в конце, она даже еще более необходима, чем в обычных случаях. И это случай с моим братом, он не будет в полной мере самим собой до тех пор, пока чудесные воды не выметут облака от его разума.

- Ты всегда прав, брат, и я буду уступать твоим мудрым советам, хотя мое сердце взывает тотчас поспешить в его сторону. Когда ты вернешься к нему?

- Немедленно. Там будет немного времени ждать. С рассветом мы будем здесь. Моя мужественная сердцем, мудрая сестренка, задержка не будет для тебя ни печальной, ни долгой.

Он встал и, склонившись надо мной, слегка поцеловал меня в лоб, и моментально ушел.

- Как странно, - подумала я, - что даже в этом вопросе, таком близком к моему сердцу, я могу безропотно уступить! Отец, я благодарю Тебя! Благодарю Тебя за радостное воссоединение, такое близкое, но, даже больше, чем за это, - за повиновение во всех вещах, которое возросло в моей жизни; что я могу подчиниться Твоей воле, даже тогда, когда Ты позволяешь, чтобы это было иначе.

Я положила голову на руку и предалась печальным и счастливым мыслям. Что, он, этот нежно любимый мной, действительно потерял сознание и стал нечувствительным к своему страданию? Милосердный Отец не оставил ему даже вспышки боли? О, что за утро сегодня! Как я смогу ждать, даже это краткое время, пока не увижу любимое лицо!

Неожиданно я почувствовала мягкое прикосновение к своей склоненной голове, и Голос, который я научилась узнавать и любить за все, на земле и на небе, произнес:

- Разве Я не сказал истину, что, даже, если он умрет, оживет? Что для вас годы разлуки, как только вы снова встретитесь? Приди, и пусть это послужит причиной побыть нам немного вместе, - сказал Господь, улыбаясь, смотря вниз на мое поднятое лицо. Он взял мою протянутую руку в Свою, и сидя рядом со мной, продолжил:

- Давай рассмотрим то, что эти годы сделали для тебя. Не чувствуешь ли ты, что бесконечно лучше подготовилась к дарованному счастью, чем тогда, когда ты рассталась с ним, которого так любишь?

Я кивнула, радостно подтверждая.

- Ты не поняла, что ты встала на более высокую ступень, с более возвышенным пониманием жизни, людей и своих обязанностей, и о том, что в Силе Отца вы двое отныне будете подниматься вверх вместе?

Опять же я с радостью согласилась.

- Разве домашняя жизнь здесь менее привлекательна, чем она была в земной жизни?

- Нет, нет! Тысячу раз нет! - воскликнула я.

- Тогда нет ничего, кроме радости скорой встречи?

- Ничего, кроме радости, - поддержала я.

Затем Спаситель начал со мной разговор о том, кто так скоро придет, и я открыла Ему свое радостное сердце и рассказала Ему о благородной жизни, бескорыстном труде, высоких устремлениях, твердой вере того, кого я любила. Я говорила о его стойкости в несчастье, его мужестве перед лицом боли и разочарования, его прощении даже злостного вреда, и в заключении сказала:

- Он жил, открыто исповедуя христианство многим другим. Он всегда в этом был далеко от меня.

Лицо Господа светилось симпатией, пока я рассказывала, и, когда я остановилась, Он сказал:

- Я вижу, что ты открыла секрет, который делает брак вечным на небе.

- Ах, - сказала я, - брак должен быть вечным! Как может быть иначе, когда двое возрастают вместе, и становятся одним? Смерть не может ни разделить их, ни разрушить; они уже не два отдельных существа, но одно в душе и духе - навсегда.

- Да, - ответил Он, - только лишь объявление брачной церемонии не производит эти изменения. Божественное соединение душ - единственное, что может это делать.

Так Он вел со мной беседу до тех пор, пока моя душа не взмыла вверх, как жаворонок ранним утром. Он развернул передо мной тайны жизни, которые заполнили мое сердце восторгом, но которые я не могу здесь раскрыть. Наконец, к моему бесконечному удивлению, я увидела розовое свечение по всему небу, и узнала, что утро - утро любви - расцвело зарей для меня в небесах. Господь встал и, указывая на сияние, сказал:

- Ко времени, когда ты будешь готова принять их, они будут здесь, - и с улыбкой и прикосновением, которое передало мне благословение, Он ушел.

Когда я встала и подняла лицо навстречу приходящему дню, я услышала в ближайшем расстоянии от себя торжествующие ноты ангельских хоровых песен; и этим утром, как будто в ответ на мои мысли, они пели:

- Он воскрес! Слушайте, вы, небеса, и вы, сыны земли! Он воскрес и стал первым плодом из тех, которые спали!

Я возвысила свой голос в радости, и присоединилась к их захватывающей песне, а, когда они удалились и мелодия угасла, я медленно спустилась по лестнице, пересекла газон, на котором цветы никогда не раздавливаются и не чахнут под нашими ногами, и нырнула под чистые воды реки. Я не чувствовала ни торопливости, ни нежелательного волнения или беспокойства, но я знала, что он идет - тот, кого моя душа ждала все эти годы. Присутствие Господа наполнило меня спокойствием и миром, который ничто не могло нарушить, подготовило и сделало меня соответствующей для большого счастья, которое было прямо передо мной.

Воодушевленная новой, неизведанной радостью, я вернулась через газон, остановилась на веранде перед входом в дом, чтобы собрать букет кремово-белых роз, и закрепила их на своей груди. Затем, пройдя в библиотеку, наполнила золотую чашу ароматными алыми гвоздиками, отложив одну в сторону для того, чтобы прикрепить ее на плечо мужа. Я хотела сама собрать цветы, чтобы поприветствовать его, когда он придет. Я сплела волосы таким образом, как ему

больше нравилось, и прикрепила кремовый бутон, так что я могла выглядеть перед ним так, как раньше.

Вскоре после этого я услышала голоса и шаги. Прислушалась! Да, это те же самые дорогие шаги, которые я так часто слышала в старой семейной жизни, шаги, которые всегда приносили радость в мое сердце и солнечный свет в нашем доме! Его шаги в небе! Я вылетела в открытый дверной проем, и в мгновение оказалась в объятиях сильных рук, у любящего, пульсирующего сердца моего дорогого мужа. Существует ли что-либо еще большее для меня, что небо может дать!

Брат, с чутким пониманием, ушел дальше в верхние комнаты дома, и какое-то время мы были вместе одни, мы, чьи жизни шли так счастливо вместе все долгие годы нашей земной жизни. Я повела его в дом, и в вестибюле он снова обнял меня и прижал к своему сердцу.

- Это действительно небо! - сказал он.

Мы прошли в «цветочную комнату», и на ее пороге он на мгновение остановился, восхищенный ее красотой; но, когда я хотела рассказать ему ее историю, так, как брат передал ее мне, он сказал:

- Не сегодня, дорогая моя; сегодня я хочу видеть и слышать только тебя весь день, все остальное на небе должно подождать.

Итак, мы сидели и разговаривали вместе, как в старые дни, и счастливые часы приходили и уходили, и день превратился в сияющий закат, прежде чем мы поняли, он наполовину прошел. Наш брат Фрэнк пришел к нам после полудня, и мы вместе пошли в прекрасный дом, он стоял на широкой веранде и ел небесные фрукты. Потом мы все вместе сидели там, где я провела часы ожидания в присутствии благословенного Господа. Я пересказала им многое из того, что Он сказал мне, и как Он обратил в ликующую радость часы, которые, я предполагала, будет проходить в одиноком ожидании. Глаза моего дорогого мужа были полны слез, и он сжал мою руку, которую все еще держал в своей, с нежным сопереживанием.

- Ах, милый, это благословенная, благословенная жизнь! - сказала я.

- Для меня это блаженство уже осуществилось, - ответил он, - потому что оно вернуло мне брата и жену - мою драгоценную жену!

Ранним утром следующего дня я сказала моему мужу и нашему брату:

- Мы должны пойти к отцу и матери Спринджер сегодня. Они первые претендуют на это, после нас с Фрэнком.

- Да, мы пойдем тот час же, - ответили они оба.

Так все вместе мы и отправились. В первые дни моей небесной жизни я стремилась с большей радостью в дом родителей моего мужа, и благодаря их вниманию, как и в земной жизни, и теплому месту в их сердцах, много счастливых часов мы провели вместе с тех пор. Теперь мы принимаем их любимого сына, и я представляла, какую радость его приход принесет в их сердца и в дом. Это была встреча, полная радости, в особенности для нашей матери, и день был далеко позади до того, как мы встали, чтобы вернуться.

- Уильям, - сказала наша мама, нежно положив свою руку на его плечо, - у тебя был счастливый дом на земле, - я всегда думаю, что он был идеальный; он будет гораздо счастливее здесь, - она посмотрела на меня любящим взглядом.

- Я уверен в этом, мама. У меня есть жена и дорогой Фрэнк, которые постоянно со мной, и ты, и мой отец, и Жозефина - любимая племянница - пришли сюда, в высшие радости и привилегии небес.

Мы повернулись, чтобы идти, и на пороге встретили тетю, которая в земной жизни была слепая и беспомощная - она была любима всеми нами.

- Дорогие мои дети, - воскликнула она, - Как хорошо увидеть всех вас снова!

- Тетя Синтия! - нежно сказал мой муж.

- Да, тетя Синтия, но уже не беспомощно пробирающаяся на ощупь во тьме. «Одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу» - процитировала она, счастливо улыбаясь.

И вот как это было - Господь коснулся слепых глаз, и, закрыв их в темноте земли, она открыла их в славе небес. Замечательный переход! Не удивительно, что мы оставили ее поющей:

Слава Тому, кто это чудо сотворил,
Заполняя дух мой радостью и восторгом!
Вот, в моей слепоте я безопасно вышла

Из темноты на свет!

ГЛАВА 18

К морю, кристальному морю,
Там, где все будет искуплено,
Куда вы, и я, возлюбленные, придем,
Наши багряные мантии убелятся, как снег,
В драгоценной крови Христа – под гимны хвалы
Через неисчислимые века мы воскреснем!
Там увидим всех наших родных и близких -
Только подумайте, какая будет встреча
У моря!

Из «Песни моря»

Дни переходили в недели, недели в месяцы, они, в свою очередь, - в годы, и небесные обязанности и радости становились яснее и дороже с каждым последующим часом. Наша семейная жизнь была совершенной, но мы с радостью ожидали будущего прихода сына и дочери, которые сделают наш союз полным. Мы неоднократно говорили о том, чтобы идти вместе к большому небесному морю, но всегда казалось, что мы не вполне созрели для этого. Мы поняли, что оно было одним из великих тайн неба, хотя мы даже не знали, чего ожидать, поскольку никто никогда не стремился забежать вперед. Однажды вечером я сказала брату:

- У меня странное желание пойти к морю, если ты считаешь это целесообразным для нас пойти туда.

- Я рад, что у тебя такое же желание, как и у меня. Я собирался предложить, чтобы ты и мой брат вместе предприняли это благословенное путешествие.

- Ты не с нами?

- Не в этот раз. Мы снова пойдем туда все вместе, но это лучше, что сейчас вы пойдете купаться вдвоем. Ты знаешь путь. Через лес, который ведет к Храму, почти до моря, а потом поворачивайте направо, и следующая золотая аллея приведет вас прямо к берегу.

Так, в дрожащем свете славного утра, мы отправились, полные святой радости, что мы вместе можем предпринять это особенное путешествие. Мы вступили и прошли большой лес, где золотой свет падал сквозь дрожащие нависающие ветки, и птицы с роскошным оперением и захватывающим пением летали повсюду. Мы слышали, все ближе и ближе, шум очередной волны о берег; и сейчас до нас донесся взрыв триумфальной песни и созвучие многих музыкальных инструментов. В конце-концов, мы вышли из леса, и стояли неподвижно, в молчании, перед картиной потрясающей славы, которая открылась перед нами.

Смогу ли я описать это так, как оно явилось передо мной в тот день? Никогда, до тех пор, пока мои губы не научатся говорить, а ваше сердце понимать величественный язык свыше. От самых наших ног спускался вниз к краю моря золотой берег много метров в ширину и простирался далеко за пределы нашего видения. Этот берег отражал утренний свет, и везде, где только можно было видеть, он сверкал и мерцал, как пыль из бриллиантов и других драгоценных камней; и волны, как они приходили и завершали свой бег в непрерывном движении, поднимая искрящийся песок и неся его на своих гребнях, как светящийся след, который мы иногда видим после судна в середине океана. А море! Оно распростерлось перед нами в сиянье, которое невозможно описать ни на каком языке, когда-либо известных. Оно было, как белая слава, что сияла через окна храма, и под этой сверкающей славой мы увидели в волнах синий оттенок вод этого моря, которое не имеет предела своих глубин или границ. На его блестящем лоне мы увидели во всех направлениях лодки, представляющие все народы, но по красоте конструкции намного превосходящие все, что на земле когда-либо было известно. Они были похожи на большие открытые прогулочные баржи, и были наполнены людьми, смотрящими на берег со страстным желанием, многие в их рвении постоянно стояли и пристально смотрели с тоскующими ожидающими глазами на лица тех, кто на берегу.

Ах, люди на берегу! «Неисчислимы как песок морской», они стояли, насколько глаз может достигнуть, далеко растягиваясь вдоль берега этого беспредельного моря, великое множество прекрасных душ, одетые в незапятнанные одежды искупления. У многих из них были золотые арфы и различные музыкальные инструменты, и когда лодка коснулась берега, приплывшие были встречены радостными голосами и нежными объятиями своих близких. В толпе были подняты арфы, и все золотые инструменты издали звук, и огромное множество народа прорвалось в торжествующей песне победы над смертью и могилой.

- Эти люди всегда здесь стоят, мне интересно? - сказала я тихо.

- Не одни и те же люди, - заявило сияющее существо рядом с нами, услышав мой вопрос, - Но здесь всегда множество тех, кто ожидает друзей из другой жизни, и тех, кто собирается разделить их радость. Некоторые из небесных хористов также всегда здесь, но не всегда одни

и те же. Вы заметите, что большинство из тех, которые прибывают, спокойно уводятся их друзьями, а многие другие постоянно составляют толпу.

Он последовал далее к берегу, и оставил нас погруженными в благоговение и изумление.

Нам стало глубоко интересно наблюдать воссоединения, и вскоре мы уже присоединились к всеобщему восторгу в радостных праздничных песнях. Тогда и потом, лица, знакомые нам по земле, были среди стремящихся в лодках, но никого из тех, кто был особенно дорог нам; все же это сделало нас еще более внимательными и сердечно сопереживающими вместе с теми, кто приветствовал возлюбленных друзей. Сейчас мы увидим жену, оказавшуюся в тесных объятиях ждущего мужа; сейчас маленькие дети с радостным криком выпрыгнут в протянутые руки счастливых матерей; друзья пожмут друг другу руки в радостном воссоединении, а здесь пожилая мама прижмет к сердцу возлюбленного ребенка.

В одной лодке, более, чем обычно, вытянутой и красивой, грациозно плывущей по волнам, мы заметили высокую фигуру мужчины, стоящего возле носа корабля и обнимавшего изящную женщину, стоящую рядом. Каждый рукой затенял свои глаза от ослепительного непривычного блеска и пристальных взглядов, тоскующих и ищущих лиц в толпе, когда лодка приблизилась к берегу. Внезапно с большим трепетом радости, пронизавшей все мое существо, я закричала: - Это наш драгоценный сын и его дорогая жена! И они прибыли вместе!

В мгновение мы быстро двинулись через толпу, которая расступилась, сопереживая нам и давая нам пройти. И, как только лодка коснулась берега, быстрым движением они оба оказались рядом с нами - дорогая дочь, всегда близкая сердцам ее собственных счастливых родителей, которые ожидали возле кромки воды, и в то же мгновение мы почувствовали нежные объятия нашего любимого сына, и вскоре после этого мы все очутились в объятиях друг друга. Ах, какой это был восторженный момент! Наша семья в небе стала полной, навсегда неразлучной! Когда мы стояли, обнявшись, едва осозная неожиданное счастье, небесный хор ворвался песней, и с поднятыми лицами, сияющими от радости, глазами, наполненными счастливыми слезами, и голосом, дрожащем от эмоций, все мы присоединились к радостному гимну:

Слава Отцу и Сыну!

Слава всеблагословенной Троице в Одном!

Нет больше скорби, нет больше расставаний, нет больше горя или боли;

Христос разрушил цепи смерти, мы снова свободны:

Сердце к сердцу и рука в руке,

Встретьтесь с нами на золотом берегу.

Слава, слава Отцу! Слава Сыну!

Слава всеблагословенной Троице в Одном!

Аллилуйя! Аминь!

Песня поднялась и усилилась триумфально, поскольку подавляющее множество подхватило ее, и всплеск волн придавал глубокий оттенок, так что мелодия увеличила свою торжественность. Со склоненными головами и полными сердцами мы последовали далее рука об руку, и свет, который падал вокруг нас, был более чист, свят, величествен, чем когда-либо прежде.

ГЛАВА 19

Могут ли такие вещи быть

И пройти над нами, подобно летнему облаку,

Это особенно чудесно.

У. Шекспир

Пришло время, когда однажды я стояла в моей восхитительной комнате, которая в действительности стала для меня храмом, и посмотрела вверх на изображенное лицо Христа надо мной; мне казалось, что мягкие глаза, смотрящие прямо в меня, уже не только говорят о бессмертной любви, но и несут в своих глубинах сострадание, любящее сопереживание, которые я никогда не замечала там раньше. Потом, когда я повернулась к своему дивану, мне даже показалось, что Его руки вышли из холста и легли, благословляя, на мою голову. Я стояла в тот момент в благословенном мире перед Ним. Потом, когда руки, казалось, были сняты, я повернулась и легла на краткий миг покоя. Но незнакомые мысли и фантазии вкрались в мой мозг, такие, какие я не знала в те годы. Я чувствовала смущение и недоумение, и начала беспокойно приподниматься над своей подушкой, и снова впала в сомнение, немного близкое к ужасу. Что это может означать? Может, старые беспорядки земли нашли место в этом небесном пристанище? Потом я услышала незнакомый голос. Кто-то сказал:

- Ее цвет лучше, чем был до этого в течение нескольких дней, по моему мнению.

- Да, нет никаких сомнений, она сегодня лучше. Действительно, надежда для нее есть, я уверен. Но она вернулась, очень недалеко пройдя за Врата.

«Очень недалеко пройдя за Врата»! Однако я не ушла через них, а также при возвращении оставила их приоткрытыми так, что проблески небесного сияния оттуда будут падать на мою жизнь всегда!

Я была в доме Отца Моего.

* Имена всех лиц, попросивших меня исправить их имена, изменены; они являются реальными людьми; фамилии, во избежание смущения, были слегка изменены автором.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Во многих письмах, полученных после публикации «За небесными вратами», неоднократно повторялись вопросы ко мне на различные моменты, содержащиеся в книге, требующие много корреспонденции, и было предложено прибавить нескольких страниц, в качестве дополнения к книге, которые могут разъяснить некоторые вопросы, или, возможно, сделать более понятными некоторые моменты, которые не были в полной мере осмыслены читателем.

Позвольте мне в начале подтвердить то, что я заявляла до этого: что я никогда не утверждала, что это необычное переживание является откровением или вдохновением. Оно пришло ко мне в период больших физических страданий и упадка сил, и я всегда считала его посланной мне компенсацией за эти страдания. Как бы то ни было, оно было большим утешением и помощью мне, и через письма, полученные от других, я увидела, что они произвели то же самое для многих, кто прочитал его, для которых оно стало причиной чрезвычайной радости. Я желаю, чтобы я могла передать полное переживание точно так, как оно пришло ко мне, но я обнаружила, что мой земной язык абсолютно неспособен сделать это. Там было столько загадок, столько учений, далеко выходящих за пределы всего, что мы знаем в этой жизни, что я захожу в тупик и теряюсь, когда пытаюсь передать другим удивительные вещи, которые в то время действительно были показаны мне, будучи самым удивительным откровением.

Вопрос, который неоднократно задавали мне: «Был ли это реальный опыт, или просто фантастический набросок?» То, что я написала выше, отвечает на этот вопрос настолько, насколько это возможно было для меня сделать. Предисловие и первые страницы, в этой маленькой книге, даны настолько точно, насколько я могла сделать это, и все, что я могла бы добавить по этому вопросу, будет просто излишним. Для меня, в то время, это было так же реально, как любой другой опыт в этой жизни.

Были заданы вопросы в отношении сравнения расстояний на небесах, и нашей способности перемещаться от одной точки к другой; и даже, даются ли нам в другой жизни крылья, которые помогают при перемещении, как крылья птицы. На эти практические вопросы иногда достаточно сложно ответить, по моему убеждению, если я на самом деле была в другой жизни, в течение этого переживания, которое было представлено мне, мои мысли были так далеко над этим, так высоко подняты за пределы суетной жизни, что я бы не смогла в достаточной мере ответить на такие вопросы после моего возвращения к этой жизни. Сейчас, оглядываясь назад и стараясь собрать факты из того показанного, что я получила, я должна сказать, что ни один, кто когда-либо проходил через смерть в ту жизнь, не был ни коим образом изменен во внешности, за исключением того, что становился бесплотным и прославленным. Когда я, как мне это было показано, стояла в том удивительном Храме, наполненном славой Бога Отца, четыре ангела с поднятыми трубами стояли рядом с золотым престолом на большой жемчужной платформе, и от их плеч осеняющие крылья охватили их и коснулись пола, на котором они стояли. И когда в момент всколыхнувшихся эмоций я подняла глаза на облако, заполняющее купол, я увидела невидимый до этого хор; их осеняющие крылья, о которых мы так часто читали, наполовину закрывали арфы и золотые инструменты. Кроме того, когда в конце того прекрасного дня, в который я впервые повстречала Спасителя, мы услышали голоса ангелов, когда мы стояли вместе в большой цветочной комнате, и, взглянув вверх, я увидела детские лица в золотом закате над нами, у них тоже были утонченные осеняющие крылья, наполовину скрывающие детские фигуры. Кроме этого, у меня нет никаких воспоминаний о тех славных крыльях, о которых мы так часто читали.

Мне кажется, что ангелам Божьим, которые всегда жили на небе, они даны, но для тех, кто страдали и трудились, и несли крест на земле, дана только прославленная форма, такая же, в какой родился наш Спаситель. Мы появлялись перед нашими друзьями, когда встречали их там, точно такими же, какими они видели нас здесь, только чистыми и совершенными. Тем не менее, нам была дана сила передвижения, которая переносила нас от точки к точке быстро и надежно, как если бы нас несла лодка на воде.

Я не знаю, как я могу лучше проиллюстрировать этот момент, чем посредством небольшого случая, не упоминающегося в книге. Помню, как я сидела однажды утром на верхней террасе в доме моей сестры, которую я встретила там вскоре после моего прибытия, и которая, хотя была

тогда жителем земли, с момента перехода по ту сторону жизни владела тем красивым домом, приготовленного для нее; и там моя сестра сказала мне:

- Я часто ищу переход через реку к тем прекрасным холмам вдаль, и восхитительно, если там все так же красиво, как здесь. Я думаю, когда-нибудь пойди и посмотри.

- Почему бы не пойти сегодня? - был мой ответ.

- Можешь ли ты пойти со мной сегодня утром? - спросила она, как только обратила свое сияющее лицо опять к реке и красивым полям за ней.

- С удовольствием, - ответила я, - Я сама часто желала туда пойти. Существует нечто очень притягательное в прекрасном ландшафте за рекой. Где мой брат Оливер? - спросила я, - он не будет сопровождать нас?

- Нет, - сказала она, глядя на меня с улыбкой, - Сегодня он ушел на важную миссию для Господа, но мы с тобой, дорогая, можем пойти и вернуться домой до его возвращения.

- Тогда давай так и сделаем, - ответила я, поднимаясь и протягивая ей свою руку.

Она сразу же встала, и вместо того, чтобы повернуть на лестницу в центре здания, мы развернулись и намеренно пошли к нижнему карнизу, окружающему верхнюю веранду. Ни минуты не сомневаясь, мы ступили через него в сладкий воздух, окружающий нас. Мы опасались падения не больше, чем, если бы наши ноги были на твердой земле. У нас была способность перемещаться через воздух так, как хотим, и через воду, так же, как по кристальной дорожке и газону вокруг нас.

Мы медленно поднимались до тех пор, пока не стали чуть выше деревьев, и потом - что я скажу? - мы не летали, мы не предприняли никаких усилий ни с нашими руками или ногами, я думаю, что только слово «дрейфовать» может описать это удивительный факт. Мы шли, как плывущие лист или перо, через воздух в тот приятный день, и ощущение было самым восхитительным. Мы видели под нами через зеленые ветки деревьев играющих маленьких детей, и люди, идущих - кто-то для развлечения, а кто-то на службу. Когда мы приблизились к реке, мы посмотрели вниз на прогулочные лодки на воде и на людей, сидящих или лежащих или прогуливающих по галечному дну, и мы увидели их с такой же отчетливостью, как если бы мы смотрели на них просто через атмосферу.

Беседуя, в то время, как мы дрейфовали дальше, мы вскоре оказались над верхушками строений, которые мы видели, так стремясь попасть туда, с веранды дома моей сестры, и в течение некоторого времени, у нас не было слов; наши сердца были наполнены такие чувствами, какие могут дать только картины неба. Тогда моя сестра сказала очень тихо, цитируя один из старых земных гимнов:

«Прекрасные поля за разлитой рекой

Стояли одетыми в живую зелень».

И в том же духе, я ответила:

«Да, это действительно восторженная картина

Что поднимается на наших глазах,

Прекрасные поля нарядились в живую зелень, и реки восторга».

Когда мы проследовали далее, смотря вниз, мы начали видеть многие пригородные деревни, похожие на те, в которой находились наши собственные счастливые дома. У многих из них был незнакомый вид, и архитектура зданий во многих отношениях выглядела весьма отличной от нашей собственной. Я предложила сестре ненадолго спуститься. Спустившись, мы вскоре поняли, что явилось причиной этой очевидной разницы в архитектуре и окрестностях. Там, где наши дома были расположены, мы были окружены людьми, которых мы знали и любили на земле, и нашей собственной национальности. Мы обнаружили, что многие из этих деревень, над которыми мы в настоящее время проходили, были сформированы из тех, что мы бы назвали иностранными нациями, и каждая деревня сохранила некоторые характерные черты ее земной жизни, которые нам, естественно, были незнакомы. Мы снова признали мудрость и доброту Отца, которая позволила друзьям того же гражданства быть расположенными близко друг от друга на небе, как на земле.

Поскольку мы по-прежнему дрейфовали вперед, проходя над изысканно живописной долиной, между низкими холмами из самой чарующей зелени, мы увидели группу людей, сидящих на земле в полукруге. Казалось, их было сотни, и среди них стоял мужчина, который, по-видимому, говорил к ним. Что-то знакомое и еще незнакомое в сцене привлекло нас, и я сказала:

- Давай подойдем ближе и послушаем, если возможно, то, что он говорит, и посмотрим, кто эти люди.

Так и сделав, мы обнаружили, что люди в значительной мере похожи на наши индийские племена; их одежда по стилю соответствовала той, которую они носили на земле, хотя была настолько же легкой, насколько и превосходила по красоте. Но смуглые лица и длинные черные волосы еще оставались. Лица, на которых был отображен сильный интерес, были

обращены к человеку, который, как мы могли видеть, говорил им, и, глядя на него, мы сразу увидели, что он принадлежал к англо-саксонской расе. Удивленным шепотом я сказала сестре:
- Уау, он миссионер!

Как это часто случалось, в представленном мне переживании, когда возникала неожиданность или трудность, то всегда оказывался кто-то рядом с ответом, и просвещал нас. И так мы обнаружили в этом случае, что наш инструктор был рядом с нами, готовый ответить на любой вопрос, который можно было задать. Он сразу сказал:

- Да, ты права. Это миссионер, который отдал свою жизнь для спасения на земле язычников. Он провел много лет в труде для них и просвещения тех, кто сидел в темноте, в результате, как вы видите перед собой, сотни были приведены в Царство Господа. Но, как вы, естественно, можете предположить, им еще многому нужно научиться, и здесь он по-прежнему собирает их, и с каждым днем ведет их все выше и выше в блаженной жизни.

- Много таких, - спросила я, - которые выполняют подобный труд в этом красивом царстве?

- Многие сотни, - ответил он, - Этим бедным умам, непросвещенным, когда они впервые пришли, небеса являются красивым и счастливым местом, но по мере восхождения, мы можем наслаждаться больше в той степени, какую наша душа может вместить. Нет никого из нас, которым уже не так много предстояло узнать в этой прекрасной стране. В ряде случаев, когда мы плыли по воздуху над деревьями, мы слышали песни хвалы, вытекающие из храмов, и от людей, собранных различным образом. Во многих случаях, к нашему удивлению, гимны и слова были те, с которыми мы были знакомы на земле, и, хотя и пелись на незнакомом языке, мы поняли все. Это является еще одним из приятных сюрпризов на небе. Не существовало языка, который мы не могли понять.

Мы прошли через многие удивительной красоты картины, возвращаясь, наконец, в наши собственные дома другим путем, в отличие от того, с которого мы начали, и, казалось, сделали почти круг в нашем приятном путешествии. Когда я покинула мою сестру в ее собственном доме, она шепнула мне при расставании:

- Это был день такого прекрасного отдыха и наслаждения, что мы вместе должны скорее повторить его.

И я ответила:

- Да, дорогая, повторим

В некоторых случаях были представлены субъекты двойных браков. Не один раз был задан вопрос: «Если мужчина, женившись в начале жизни, и, будучи верен соединенной с ним в браке женщине, к сожалению, потеряет ее, и после многих лет одиночного ожидания найдет другую близкую по духу душу, к которой расположится всем сердцем, и женится, и они много лет будут счастливы вместе, прежде чем она тоже уйдет из жизни, с которой из них он будет вместе в другой жизни?»

Во многих сферах небесной жизни, показанных мне, такие мысли не приходили мне и не были предложены. Говорить от моей собственной природной интуиции я не могу, но думаю, что как только бессмертная наша часть покинет земную обитель, навсегда уйдут все мысли, которые смущают или огорчают или приносят боль духу. В небесных домах бесконечная любовь и радость, мир и счастье без меры. Одно я знаю: в небе нет противоречивых отношений, нет вопросов, которые беспокоят, нет условий, которые досаждают; все сердца стремятся творить волю Отца, и ни в чем нет недостатка.

В ответ на вопрос, во многих случаях задаваемом мне, считаю ли я пережитое мной, как откровение, я могу лишь сказать, как до этого, что я передала его так, как он пришел ко мне, и каждый должен сделать свои собственные выводы в отношении него. Я не могу быть советчиком ни для кого.

Существуют некоторые кажущиеся несовместимости в этой книге, которые я сама осознаю. Оглядываясь на нее после того, как прошло почти четыре года, мне кажется, что должно быть больше серий инструкций, таких, какие мы даем здесь маленьким детям в детском саду. Она не претендует на откровение о том, что было или что будет, в строгом смысле этого слова, но, как я уже предложила, скорее, как мы будем учить детей в детских садах. Я заметила, при переписывании этого необычного опыта, то, что первый урок, который следует преподавать, почти всегда был, как иллюстрация; а после мое удивление и радость были во всем, чему будет учить сама картина, затем откровение, или общее применение его смысла. Приведу пример, чтобы было более понятно:

Когда я первый вошла в ворота, я увидела удивительные небесные сады и чудесную красивую реку, а затем встретила с близкими, в разлуке с которыми была так долго. И вот я испытала восторг духа, лишенного материальной оболочки, при своем первом входе «внутри стен». Далее следуют инструкции или первые уроки об этой жизни, в которую я, похоже, вступила; как я уже говорила раньше, первые иллюстрации и инструкции созданы для меня, как один идеальный урок. И когда, по прошествии времени, я встретила и приветствовала мою дорогую

сестру, моего мужа и сына, я узнала другую сторону вопроса – радость, которую испытывают даже ангелы на небесах, когда все приветствовали любимых, которые пришли к ним из мира внизу. И так, по всей книге, инструкции неизменно предшествовали иллюстрации. Таким образом, я могу думать, если какой-либо смысл может быть присоединен к этой незнакомой концепции, что это просто урок в общих чертах о том, что мы можем ожидать и надеяться, когда мы достигнем того берега.

Опять же, вопрос, который много раз повторялся: «Сохранило ли это переживание свою яркость по прошествии времени или все больше кажется Вам нереальным и сказочным?» Я могу частично забыть некоторые из самых счастливых моментов моей земной жизни, но время, похоже, сделало еще более яркими чудеса тех дней, когда мои ноги действительно стояли на границе двух миров. Мне казалось, что на каждом шаге в небесной жизни наши души становились все лучше, и мы не имели склонность смотреть на то, что прошло, или попытаться решить то, что в нашей смертной жизни было замысловатыми или запутанными вопросами и загадками. Подобно чашке, которая переполнена через край чистой и искрящейся водой, наши души были переполнены всем хорошим, до тех пор, пока уже не было места для чего-то другого. «Как тогда, – спросите вы, – ты могла охватить более, когда у тебя было все, что ты могла бы получить?» Потому что от момента к моменту, от часа к часу, наши души росли и расширялись и открывались для получения свежих глотков Божественных уроков, которые постоянно поднимали нас ближе к Источнику всех совершенств.

Некоторые из писем, которые пришли ко мне, были так патетичны в своих вопросах, что они вызвали слезы сопереживания, и пылкое желание ответить на заданные вопросы от своего авторитета. Но таких полномочий Бог не дал мне. Я могу лишь сказать, как мне было представлено в те блаженные часы, когда земля казалась отдаленной и небо очень близким и реальным. Одна страдающая мать пишет: «Как вы думаете, я могла бы молиться еще за мою дорогую девочку?» Как я желала принять ее в любящие объятия и шепнуть ей, что ее дорогой любимый ребенок, я не сомневаюсь, находится постоянно в Божьем присутствии, и нет больше необходимости земной молитвы. Она любила и надеялась, что Спаситель, как только она сошла в долину смертной тени, принял ее в свои любящие объятия и утешил ее. Для всех таких, я бы сказала, – а таких писем поступило много:

«Послушайте, дорогие друзья, вы увидите родных и близких, как я увидела этих столь дорогих мне, счастливыми и благословенными выше всякого разума, в доме среди многих особняков, приготовленных для нас нашим любящим Папой». Ах, эти замечательные особняки, на которых оглядывается мое тоскующее сердце! Верьте в это, взирайте на них наперед, возлюбленные друзья, потому что, в конце-концов, мы имеем обещание Спасителя, что они есть: «В доме Отца Моего обителей много». Его обещания никогда не подводят, и я уверена в одном, что они будут не менее красивы, чем я видела в моем видении.

Эта мысль, как мне кажется, отвечает на вопросы, заданные в связи с двойными браками. Мое собственное убеждение, из этой земной жизни, состоит в том, что нет двух друзей, которые могут занимать то же место в наших сердцах. Каждое сердце наполнено комнатами с молодыми и старыми, и для каждого дорогого гостя есть комната исключительно для него. Этот номер всегда его. В случае смерти или расставания, или даже позора, отделяющего его от нас, его номер по-прежнему остается, и он только его навсегда. Никакой другой человек не может занять его. Другие могут иметь одинаковое право выбора комнат, но когда гость однажды вылетел из комнаты, которую он занимал в другом сердце, двери этой комнаты забаррикодированы навсегда, она сохраняется ненарушенной – лично принадлежащей отбывшему гостю. А там, на небе, каждый гость имеет свою отдельную комнату или дом. "В доме Моего Отца обителей много. Я иду приготовить место (комнату) для тебя».

Я не сторонник второго брака. Мысль о том, что две жизни соединяются в одну, прекрасна для меня; но я по-прежнему не верю, что человек согрешит против памяти любимой жене, которую потерял, когда заместит ее хорошей женщиной, которая поднимет и украсит ее дом. Она не может, даже, если бы захотела, занять место, оставленное вакантным в его доме и сердце, это нерушимо. Я говорю, конечно, о верных браках, когда не только руки соединены, но и сердца, и души связаны вместе, как одна, навсегда.

«Какие обязанности на небе?» Их так много и они так разнообразны. Многое в книге «За небесными вратами» показывает течение повседневной жизни.

«Отдых?» Каждый на небесах отдыхает во время служений так же хорошо, как и во время наслаждений. Отдых не по необходимости означает бездействие. Как часто в этой жизни на одной стороне долг, на другой – отдых для ума и тела! Тем не менее, я обнаружила, что абсолютный «отдых» для ума и тела в блаженном покое может дать только небо.

В полученных разнообразных письмах было некое ощущение, производимое после их прочтения, что, кроме наслаждения и благодарности, я, – с такой небольшой собственной

физической силой - могла принести утешение и радость в жизни других. Я благодарю нашего благого Отца, что он так любезно разрешил это. Одно письмо, полученное мной, содержало так много почти ребяческих вопросов, что я просто отложила его в сторону с цитатой из Святого Павла «из земли, перстный» и попросила Отца поднять сердце писателя в чистый свет.

В заключение я могу лишь повторить, что я не пророк и не провидец, но в глубине души я искренне верю, что радость небес намного больше и слава небес намного лучезарнее, чем я видела их в моём видении и я до сих пор не могу понять, как даже бессмертный дух может вынести видеть это.

© Перевела Светлана Никифорова